

ПЕСКИ

ДАРЫ ДЖИННОВ

◆ ЭЛВИН ◆
ГАМИЛЬТОН

Пески

Элвин Гамильтон

Пески. Дары джиннов

«Робинс»

2018

УДК 821.112.2-312.9
ББК 84(4Вел)445

Гамильтон Э.

Пески. Дары джиннов / Э. Гамильтон — «Робинс»,
2018 — (Пески)

ISBN 978-5-4366-0839-6

Захватывающий финал трилогии заставит вас дрожать от восторга! Когда Амани сбежала из городка с говорящим названием Пыль-Тропа, она и представить себе не могла, что не только присоединится к революции, но и возглавит её. Но у неё не осталось выбора, после того как кровожадный султан заточил мятежного принца Ахмеда в мифическом городе Эремот. Вооружённая только револьвером, острым умом и неукротимой силой демджи, Амани вместе с горсткой повстанцев в поисках принца отправляется в место, которого нет даже на карте. Сможет ли она стать настоящим предводителем или обречёт всех на смерть?

УДК 821.112.2-312.9

ББК 84(4Вел)445

ISBN 978-5-4366-0839-6

© Гамильтон Э., 2018

© Робинс, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2. Бессмертная Султима	10
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5	19
Глава 6	27
Глава 7	34
Глава 8	37
Глава 9	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Элвин Гамильтон

Пески. Дары джиннов

First published by Viking Penguin USA in 2018

First published in the UK in 2018 by Faber and Faber Limited

Bloomsbury House, 74–77 Great Russell Street, London WC1B 3DA

Typeset in Plantin by M Rules Printed and bound by CPI Group (UK) Ltd, Croydon, CR0 4YY

© Alwyn Hamilton, 2018

© Blue Eyed Books Ltd., 2018

Map illustration © Juliet Percival, 2017

The right of Alwyn Hamilton to be identified as author of this work has been asserted in accordance with Section 77 of the Copyright, Designs and Patents Act 1988. A CIP record for this book is available from the British Library.

All rights reserved.

© ООО «Издательство Робинс», перевод, 2021

Глава 1

Сон, полный кошмаров, прервался: кто-то произнёс моё имя. Я уже схватилась за револьвер, но тут узнала лицо, которое то расплывалось, то обретало чёткость перед глазами, затуманенными смертельной усталостью.

Палец на спусковом крючке расслабился. Надо мной стоял не враг, а Сара, хранительница нашего Скрытого дома. Небольшая масляная лампа у неё в руке освещала только лицо, и на миг показалось, что в сумраке парит одна лишь голова... вроде тех, во сне, который уже таял в памяти.

Имин в облике Ахмеда добровольно восходит на эшафот. Моя двоюродная сестра Шира на коленях перед плахой обличает султана. Айет, лишённая жизненной искры, с пустым безумным взглядом ожидает смерти в тюремной камере. Маленькая демджи Раная с солнцем в ладонях гибнет от случайной пули в чужой битве. Целитель по имени Бахи сгорает заживо у меня на глазах от руки моего собственного брата. Моя мать кончает жизнь в Пыль-Тропе на виселице за убийство мужа, который даже не был моим отцом.

Длинная вереница людей, смерть которых мне пришлось наблюдать... которым я позволила умереть. Обвинение в их глазах.

Сара настоящая, не из сна. Ещё живая, как и другие. Ахмеда спасла Имин, обманув султана и всех жителей столицы. Шазад и Рахим, пусть и в плену, сообразили, как уберечь нашего мятежного принца, а Далила, схваченная вместе с ними, сумела прикрыть настоящего Ахмеда иллюзией. Теперь мне предстояло вызволить их самих и остальных пленников султана. Точнее, нам – мне, Жиню, Хале, близнецам и Сэму. Всем, кто остался на свободе.

Во всяком случае, таков был наш план. А пока следовало затаиться и продумать дальнейшие действия в деталях.

Кресло, где я уснула, стояло в укромном уголке Скрытого дома, нашего последнего убежища в Измане. Здесь собрались жалкие остатки мятежников. По лицу склонившейся надо мной Сары пробежали лишь блики от слабо освещённого окна, но их было достаточно, чтобы заметить её беспокойство. Волосы растрёпаны, бордовый халат наброшен в спешке.

Неужто уже рассвет? Странно, во всём теле страшная усталость, как будто я почти и не спала. Хотя, чтобы избавиться от перенесённой боли и переживаний, не хватило бы, наверное, и целого года сна. В боку до сих пор кололо от последнего усилия поднять пески, стены плыли перед глазами.

– Что случилось? – прохрипела я, морщась в попытке размять затёкшее тело. Незажившие ранки от ножа тётки, удалившей из-под кожи куски металла, сразу дали о себе знать. – Уже утро?

– Нет, ещё ночь. Ребёнок заплакал, разбудил меня...

В сумраке я разглядела крошку Фади у неё на руках. Вспомнился обвиняющий взгляд его покойной матери Ширы в ночном кошмаре: «Малышу предстоит расти без семьи. И это тоже по моей вине».

– А когда я встала, увидела такое... – продолжала Сара. – Нет, лучше сама посмотри!

«Ничего хорошего, должно быть. – Я протёрла кулаками заспанные глаза. – Что ещё могло стрястись за последние несколько часов?»

Решительно встряхнувшись, я прогнала воспоминание об отрубленной голове Имин, катящейся с плахи: лучше неизвестно какая реальность, чем всё те же кошмары.

– Ладно, показывай, – вздохнула я, поднимаясь на ноги.

Баюкая синеволосого демджи, хозяйка Скрытого дома повела меня по тёмной винтовой лестнице на увитую растениями плоскую крышу, благодаря которой наше убежище и получило своё название. Цветущие лианы спускались по стенам со всех сторон, закрывая верхние этажи

от посторонних взглядов и обеспечивая Саре и её подопечным беглянкам относительную безопасность.

Ещё не поднявшись на крышу, я поняла: что-то не так. Поздняя ночь, а снаружи какое-то мерцающее сияние, похожее на алые краски рассвета... но его ещё ждать и ждать, несмотря на лето.

Сара вышла первая и сразу отступила в сторону, давая мне возможность оглядеться. Тогда-то я и увидела...

Вся столица была укрыта огненным куполом!

Пламя колыхалось и переливалось высоко над головой и по сторонам, заполняя всё ночное небо, так что звёзды виднелись смутно и нечётко. На западе светящийся купол уходил за городскую стену, а на востоке опускался в море.

В памяти возникла сцена из детства, когда мать накрыла стаканом жучка, что полз по кухонному столу, и я с любопытством наблюдала, как он отчаянно карабкается по стеклу, не в силах выбраться наружу.

«Ловушка!»

Теперь, глядя на огненные своды, я хорошо понимала ощущения того жучка из Пыль-Тропы.

– Магия, – мрачно буркнула Сара, вглядываясь сквозь пламя в звёздное небо.

– Нет, – покачала я головой. Когда-то и сама бы так решила, но с тех пор успела хорошо узнать этот мерцающий, неестественно яркий огонь – тот самый, что вспыхнул в подземельях султанского дворца, когда умер джинн Фереште. Пламенная кровь древних, которая оживила глиняных абдалов, стерегущих пустые улицы Измана, а теперь превратила город в одну огромную тюрьму. – Это дело рук человеческих!

«И вот великая стена пламени поднялась до самых небес, пленив её до скончания веков...» – строки из Святого писания, которое вбивали мне в голову все шестнадцать лет жизни в Пыль-Тропе, будто сами собой всплыли перед глазами. Как и все, я хорошо знала историю Ашры и её чудесной стены – огненной завесы, оградившей мир от Разрушительницы в конце самой первой войны.

Вот только новая стена вовсе не спасала от великого зла и не была делом святых рук. Великое зло само захватило нас в плен.

* * *

Я не стала пока тревожить никого в доме, разбудила только одного Жиня, хотя разыскать его в многокомнатном лабиринте Скрытого дома оказалось непросто. Он лежал полностью одетый на неразобранной постели, закинув руку на голову и укрывая лицо от зловещего мерцания за окном. Трясти спящего не пришлось: едва я коснулась плеча, глаза зорко распахнулись, а пальцы с быстротой молнии сомкнулись на моём запястье и сломали бы его, не узнай он меня в темноте.

Выругавшись по-сичаньски, он сел и устало встряхнул головой, прогоняя сон:

– Не пугай меня больше так. Что случилось, Бандит?

– Хочешь сказать, женщинам ещё не приходилось будить тебя среди ночи? – Шутливые слова прозвучали натянуто. Я откинула с его лба прядь тёмных волос, всматриваясь в лицо и встречая тревожный взгляд.

Жинь снова взял меня за руку, теперь уже ласково, и бегло улыбнулся, совсем как в прежние времена, когда беды нас подстерегали не такие страшные. Затем на его лице мелькнуло понимание.

– Среди ночи? – Он бросил взгляд в окно и нахмурился, возвращаясь к суровой реальности.

Мы поднялись на крышу и стали ждать рассвета – настоящего. Дом понемногу просыпался, и у каждого, кто видел купол из пламени, в глазах появлялась растерянность. Все смотрели на меня, ожидая объяснений. Но что я могла им сказать?

Как устроена огненная завеса? Можно ли её преодолеть? Из-за нас она здесь или по какой-то другой, неизвестной нам причине?

Когда наконец сквозь пелену огня пробился первый солнечный луч, означая конец комендантского часа, мы с Жинем пустились в путь. Улицы были заполнены народом, люди выглядывали из домов, в страхе таращась на жуткое невиданное зрелище. У всех на языке вертелись те же самые вопросы. Стараясь не привлекать внимания, мы быстрым шагом пробирались сквозь толпу, не отрывая глаз от компаса в руке у Жиня. Такой же остался у захваченного в плен Ахмеда.

– Компас у него, – произнесла я вслух, чтобы удостовериться в этом. Ведь демджи не могут лгать.

Чем ближе мы подбирались к султанскому дворцу, петляя по тесным переулкам, тем сильнее у меня перехватывало дыхание. Ещё вчера, перед казнью, узники содержались там. Значит, должны находиться по крайней мере где-то в городе. Однако на широкой улице, выходящей на дворцовую площадь, стрелка показала в другую сторону, на юг.

Теперь мы удалялись от дворца, и сердце сжималось с каждым шагом. Пока вокруг были городские кварталы, надежда ещё оставалась. Только бы стрелка повернулась раньше!

Надежда умерла, когда мы подошли к южным воротам. Их назвали в честь Замана, первого султана Мираджа, потомок которого запер нас в своей столице. Другой потомок стоял рядом со мной.

Розовое небо на горизонте уже наливалось утренним золотом, а прямо за воротами вертикально вздымалась огненная завеса. Вблизи она смотрелась ещё внушительнее, потрескивая молниями и брызгая сердитыми искрами, и казалась голодным хищником, жаждущим поживы. Сразу становилось ясно, что дальше лучше не соваться.

Стрелка компаса в руке у Жиня указывала точно на стену огня.

Султан выслал пленников из города, а нас окружил пламенем джиннов. Где-то там, на юге, наши друзья проведут остаток жизни в заточении без суда. Такова милость султана.

Жар от огненной стены ощущался даже в воротах. Жинь поднял камушек и подбросил несколько раз в руке, словно уличный мальчишка, замысливший какое-то озорство. Прицелился и швырнул в стену пламени. Камень не отскочил и не пролетел насквозь, а мгновенно сгорел, рассыпавшись пеплом.

Первым делом я подумала, что султан хочет помешать нам освободить узников, а меня снова заполучить в свои лапы и запереть во дворце.

«Но тогда...»

Жинь опередил мои мысли:

– Нет смысла, – хмыкнул он, сдвинув куфию и взлохматив свои волосы. Я с опаской огляделась: не следят ли за нами. – Султан считает Ахмеда мёртвым... а значит, всё это не ради нас.

Я кивнула, соглашаясь:

– Тогда зачем?

* * *

Ответ мы узнали в тот же день. Все с нетерпением ожидали новостей. Что скажет султан своим подданным в Измане, как объяснит огненную завесу вокруг столицы?

Близнецы Изз и Мазз весь день кружили над дворцом в облике жаворонков, возвращаясь по очереди в Скрытый дом с докладом. Новости появились только на закате.

Порхая наперегонки, две птички песчаного цвета стремительно перечеркнули небо и опустились на заросшую лианами крышу, на ходу превратившись в мальчишек.

– Чужеземцы! – запыхавшись, выпалил Изз. – Наступают с запада!

– Знамена синие... с золотом, – добавил Мазз, с трудом переводя дух.

У меня заколотилось сердце: «Галаны! Идут на столицу. Старые враги, оккупанты. Столько лет хозяйничали в наших песках, а теперь решили овладеть ими раз и навсегда. Вот для чего огненная стена! Не для того, чтобы запереть нас, а чтобы не пустить их. Султан защитил город, но мы всё же оказались в ловушке».

Глава 2. Бессмертная Султима

Однажды в страну песков, где правил султан без наследника, нагрянули враги. Они наступали с востока, с запада, с севера, чтобы занять города, поработить народ и захватить оружие, необходимое для других войн в дальних странах.

Видя угрозу со всех сторон, правитель пустыни знал, что его собственные войска слишком малочисленны. Тогда он созвал в свой дворец вражеских королей, королев и принцев, чтобы обсудить перемирие, которое сами они считали капитуляцией. На самом же деле это была ловушка.

Оживив могучих воинов, сотворённых из глины и металла, султан бросил их на вражеских правителей и обратил тех в прах. Многие захватчики убоялись и отступили, но великая северная держава, возмущённая коварным убийством своего короля и знати, приняла дерзкий вызов. Юный северный принц, наследник трона своего погибшего отца, двинул войска на столицу песков, чтобы разрушить её.

У султана нашлось бы немало сыновей, способных возглавить оборону. Не было лишь наследника: перворождённый сын погиб от руки своего собственного брата, мятежного принца, возжелавшего захватить трон.

Так говорилось.

Находились и те, кто считал мятежного принца не предателем, а героем. Они считали блудного сына султана настоящим наследником и требовали, чтобы страну пустынь защитил он, а не другие братья, выросшие во дворце. Но когда вражеская армия вторглась в пески, мятежный принц был выслежен, схвачен и, как бы ни требовал народ пощадить его, обезглавлен на плахе. Все люди смертны, будь то мятежник, предатель или герой.

Тем не менее многие клялись, что видели своими глазами: когда упал топор палача, душа казнённого покинула тело огненной вспышкой, поднялась ввысь и разлилась вокруг, укрывая город пламенным щитом. Народ шептал, что мятежный принц, подобно Ашре Благословенной тысячелетия назад, ответил на призыв о помощи даже мёртвый.

Явившись под стены Измана, захватчики остановились перед огненной завесой, не в силах её преодолеть, и люди песков славили имя мятежного принца, защитившего их. Врагам оставалось лишь окружить столицу и ждать, пока огонь угаснет или же султан выберет из сыновей наследника и пошлёт его на решающую битву.

В первый же день осады к султану пришёл старший из выживших сыновей, великий мастер меча, и попросил оказать ему честь и позволить вывести войска из ворот и дать врагам бой. Однако правитель отказал, сомневаясь, что сын достоин.

Назавтра явился другой сын, непревзойдённый в искусстве стрельбы, и просил позволения собрать лучников и засыпать врагов стрелами, но султан вновь отказал, сочтя недостойным и его.

На третий день неудача постигла ещё одного принца, и так продолжалось день за днём, неделя за неделей. Никто так и не был избран, и народ песков начал роптать.

В конце концов, перебрав всех своих отпрысков, султан объявил, что нового наследника-султима определят состязания, как и было заведено в стране песков с незапамятных времён, когда правил самый первый султан.

В назначенный день на площади дворца собралась толпа, чтобы взглянуть на тех, из кого выберут будущего правителя. Султан вышел к народу и сказал, что всё ещё оплакивает своего первенца, но ждать больше нельзя: стране необходим наследник. Но не успели прозвучать первые слова, как до слуха собравшихся донёсся другой голос:

– Он лжёт!

Негромкий голос, почти шёпот, звучал будто над самым ухом у каждого... а может, прямо в голове? Кому хватило смелости сказать такое про сиятельного властителя? Люди стали испуганно озираться по сторонам, и тут их глазам предстало невероятное. Женщина стояла не среди толпы, а на ступенях дворца, прижимая к груди... собственную голову! На месте шеи торчал лишь окровавленный обрубок.

Многие узнали лицо, и по площади пробежал шёпот. Благословенная султима! Неверная супруга убитого наследника, казнённая по его приказу, вернулась из мёртвых!

Губы отрубленной головы не шевелились, но слова слышали все. Ветер из пустыни трепал волосы над ладонями, держащими голову.

– Он лжёт, – повторила женщина, устремив на толпу обвиняющий взгляд, – а лгать грешно!

При её словах небо над площадью разом потемнело. Жители Измана с ужасом подняли глаза: над столицей собиралась песчаная буря. Солнце скрылось, дворец погрузился в сумрак, но тем ярче сияла призрачная женская фигура. Люди сжались под занесённым мечом стихии, готовым обрушиться, словно в отместку за удар топора, обезглавившего на их глазах благословенную султиму. Упав на колени, они молили о пощаде, не зная, кому возносят свои молитвы, Всевышнему или самой казнённой.

К счастью для них, ей нужна была не месть, а лишь торжество правды.

– Мятежный принц не убивал султима! – Голос женщины ясно слышался даже сквозь завывание ветра, кружившего над городом тучи песка. – Убийца – его собственный отец! – Рука с потёками крови вытянулась к высокому балкону дворца, где стоял султан. Отрубленная голова упала к ногам и гневно уставилась туда же, а обличающий голос продолжал вещать: – Ваш правитель самолично зарезал сына, как до этого – своего отца и братьев. Теперь он прикидывается безутешным, готовясь послать на смерть других детей – против захватчиков, которых сам же и привёл в нашу страну!

Стоя на коленях перед ужасным видением, жители столицы верили каждому слову. У мёртвых нет причин лгать.

Султима подобрала упавшую голову и повернула её лицом к принцам, что выстроились на ступенях выше. Один из них упал на колени, а другой натянул лук и выстрелил в окровавленную грудь призрака, но стрела прошла будто сквозь воду и вонзилась в землю. Женщина повернула голову, бесстрастно глянула на стрелу и вновь уставилась на сыновей правителя, поражённых её речью.

– Ни один из этих недостойных не сможет стать новым султимом. Наследник трона избран уже давно, и я пришла возвестить о нём!

Многие потом говорили, что она держала в руках свою голову, словно младенца, рождённого не от мужа, а от джинна, которого у неё отобрали. Кого же ещё могли послать древние с вестью из потустороннего мира, как не мать одного из своих детей?

– Мятежный принц – вот кто истинный султим! – продолжала женщина. – Только он должен править Мираджем, или больше никто и никогда! Без него наша страна падёт и будет разорвана на части чужеземцами, что стоят у ворот. Они высосут из неё всю кровь... Нынешний султан несёт лишь тьму и смерть, а будущий – мир и процветание!

Толпа откликнулась рёвом, заглушая вой песчаной бури, но следующие слова призрака слышали все:

– Мятежный принц восстанет из мёртвых! Новый рассвет! Новые пески!

Глава 3

Сверху столица выглядела совсем иначе.

Я стояла на карнизе Главного молельного дома. Отсюда была хорошо видна площадь, где собралась толпа зрителей на султимские состязания. Именно потому мы и выбрали для наблюдения это место, а уж точно не из-за его удобства.

Подойдя насколько могла к краю узкого уступа, я посмотрела вниз с головокругительной высоты, и Жинь опасно схватил меня за руку.

– Не хватало ещё тебя потерять, Бандит, – проворчал он.

По обе стороны от нас на карнизе пристроились Изз и Мазз в человеческом облике. Обернувшись гигантскими руххами, они доставили нас сюда ещё до рассвета, когда народ только начал собираться. Сейчас золочёный купол Главного молельного дома так ярко сиял в утренних лучах, что ослеплял даже со спины, и любому случайному взгляду, брошенному с площади, наши фигуры показались бы призрачными солнечными пятнами.

Город с его изломанными, кривыми улочками, неожиданными поворотами и скрытыми закоулками представлялся внизу заколдованным лабиринтом. Извилистые глухие стены тут и там оживлялись отдельными окошками, из которых на пыльную мостовую просачивался свет будто из другого мира. В узких проходах, запруженных прохожими, теснились лотки торговцев, а небо заслоняли разноцветные навесы. Я провела здесь почти месяц, с тех пор как проснулась под огненным куполом, и всё ещё с трудом находила дорогу.

Природа возникновения купола с самого начала не вызывала у меня сомнений – это было очередное чудесное изобретение Лейлы. Однако жители Измана, подобно Саре в ту первую ночь, решили, что видят проявление древней магии, времён самой первой войны. Многие называли купол Стеной Ахмеда и даже почитали как святыню. Сжигали лоскуты своей одежды, пачкали лица сажей и проводили рядом с ней день за днём, пытаясь подобраться как можно ближе к огненной завесе, чтобы вознести благодарную молитву мятежному принцу за избавление от врагов. Солдаты отгоняли их, но фанатики упорно возвращались с рассветом. Иные даже гибли. Перейдя черту, они мгновенно превращались в прах, как тот камень, что бросил Жинь.

Как ни противно было признавать, но огненная стена и в самом деле спасла всех нас, хоть и не имела к Ахмеду никакого отношения.

Со своего высокого наблюдательного пункта я могла разглядеть вдали ровные ряды синих армейских палаток, окружавших город. Вражеское войско замерло в ожидании. Галаны подошли в тот же день, когда близнецы заметили их на горизонте, взяли столицу в осаду и стояли так уже без малого месяц. Огненный барьер не пробивала даже пуля, оставалось только ждать, приняв игру, навязанную султаном.

В нашей пустыне галаны не были новичками. Они заправляли здесь два десятка лет, после того как посадили на трон Омана и помогли ему устранить отца и братьев. За это он позволял им устанавливать в песках свои законы и убивать демджи в угоду их извращённым верованиям. Наши бедняки гнули спину и гибли на оружейных заводах галанов.

Захватчики творили что хотели, не боясь возмездия, а султан покровительствовал им, пока галаны были ему полезны. А потом решил избавиться от них с помощью моего брата Нуршема, тоже демджи, который мог стирать с лица земли целые города. Мы подросли вовремя и не дали уничтожить заодно с галанами жителей Фахали, но вражеский король всё равно объявил войну, а когда султан убил и его, заманив в ловушку, вражда стала непримиримой.

Вот как вышло, что нас осадили войска крупнейшей в мире державы. Они ждали, что в городе за огненной стеной закончатся припасы. Но я знала нашего сиятельного правителя, который никогда не затевал безнадежных игр.

Сколько мирных городов захватили эти войска по пути в столицу, сколько мирного народа успели перебить, пока султан ждал их здесь? Он убеждал меня, что хочет лишь защитить страну и сделать Мирадж самым сильным и влиятельным в мире, чтобы его опасался любой захватчик. Может, оно и так, но сколько мираджийцев должны послужить удобрением для этого светлого будущего? Они не давали согласия служить пешками в султанской игре.

«Преступной игре надо положить конец! Мы вызволим Ахмеда, Рахима, Шазад, Далилу и всех остальных пленников. Вернём их и покончим со всем этим кошмаром».

Из-под куфии катились струйки пота, затекая за ворот.

– Ты как, Бандит? – озабоченно шепнул Жинь мне на ухо.

Хотелось сказать, что всё в порядке, но демджи не может лгать, и вопрос остался без ответа.

– Начинаем, – буркнула я, вздевая руки над морем городских крыш. – Готовься.

Песчаные барханы по ту сторону огненной завесы оставались недоступны, но и на улицах внизу скопилось немало песка. Он был сердцем и душой столицы.

Я потянула песок к себе, и рана в боку отозвалась вспышкой боли, уже привычной после того, как из-под кожи удалили кусок металла. Оставшийся шрам продолжал ощущать его, мешая использовать способности демджи. Болело всё сильнее, и в какой-то момент я даже испугалась, что песок выскользнет из моей власти.

Стараясь не обращать внимания, я продолжала собирать песчинки отовсюду: из трещин мостовой, складок одежды, с пыльной листвы садов на крышах. Песок поднимался над улицами золотистой дымкой, словно пар над горячей водой в бане, наполнял воздух, завивался вихрями, собирался густыми клубами. Мириады ничтожных рассеянных крупинок, собираясь вместе, постепенно превращались в ревущую бурю, готовую обрушиться на город.

Где-то внизу, в толпе, пряталась Хала, закутавшись до самых бровей, чтобы скрыть от любопытных взглядов свою золотую кожу. Рядом были Риад с Карамом – ещё двое, сумевших избежать плена. Им я поручила охранять Халу, а если иллюзия сорвётся, помочь ей незаметно улизнуть.

Задача нам предстояла куда масштабнее и труднее, чем когда-либо прежде: явить толпе призрак благословенной султимы, моей казнённой двоюродной сестры Ширы. Она должна была выглядеть точно такой, как в ночных кошмарах: с отрубленной головой в руках и гневно обвиняющим взглядом. Тысячи людей, увидев и услышав её, укрепятся в недоверии к султану и назначенным им султимским состязаниям, а может, и сорвут их вовсе.

Отправлять Халу на такое отчаянное дело было рискованно, но нельзя же сидеть сложа руки! Нельзя допустить поддержки народом другого принца. Наследник уже есть, и мы собираемся его освободить! Однако на первом месте стояла совсем другая цель, для которой иллюзия Халы служила отвлечением, а моя песчаная буря – прикрытием.

Мы хотели проникнуть во дворец.

Можно отвлечь и в то же время послужить общему делу. Что-то подобное сказала Шазад, когда пыталась вызволить меня из гарема, а Изз в виде гигантского рухха бросал с неба листовки. Я бы сказала иначе: две мишени одной пулей – так понятнее. Один план – две цели.

С площади донёсся крик: иллюзия Халы начала работать, проникая в людские головы. На мгновение я потеряла сосредоточенность, ослабляя власть над песком. Боль в боку тут же отпустила, и от внезапного облегчения нестерпимо захотелось опустить руки и отдохнуть, но я поспешно сжала пальцы, возвращая прежнюю муку. Тёмная бурлящая туча накрыла площадь, заслоняя нас от взглядов толпы. Стараясь уменьшить боль, я переступила с ноги на ногу, и буря послушно сдвинулась, повторяя моё движение.

Терпеть больше не было сил. Я повернула голову к Жиню и крикнула:

– Пора!

Близнецы не заставили повторять дважды. Мазз и так уже извертелся, принимая в нетерпении одну форму за другой. Расплывшись в улыбке, он отбросил плащ, тут же исчезнувший в вихре летящего песка, и прыгнул с карниза вперёд и вверх. Завис на миг в высшей точке прыжка, но, едва начав падение, раскинул руки, на глазах превратившиеся в крылья, и стремительно покрылся перьями. Изз последовал за ним, ловко подхватив вытянувшимся клювом мешок, заброшенный на плечо. Будь кто-то способный разглядеть с площади их полёт, подумал бы, что пара руххов вылупилась из огромного яйца, на которое походил золотой купол Главного молельного дома. Величественно раскинув крылья, обе птицы зависли над бурей в ожидании.

В отличие от близнецов, Жинь ни разу не пошевелился с начала устроенной мной песчаной бури. Такая невозмутимость в минуты общей тревоги всегда отличала его от других. Только я могла заметить под его внешним спокойствием нетерпение, жажду действий. Замечала уже давно – с того дня, как при нас казнили Имин в облике Ахмеда, и потом, когда мы обнаружили, что заперты в столице и не в силах освободить остальных. Не в силах освободить брата и сестру Жиня, которых он с детства привык защищать.

Я не раз видела, как его пальцы нервно сжимаются на медном компасе, хотя лицо оставалось бесстрастным. Сейчас во взгляде, мельком брошенном на меня, был лишь вопрос: справлюсь ли я, насколько меня хватит? Боль в боку жгла всё сильнее, и уверенности я не чувствовала, но говорить не стала.

По лицу Жиня скользнула кривая улыбка – но лишь тень той, прежней, когда всё было проще, а живых соратников было больше. Улыбка означала, что впереди опасность, ещё одна из многих.

Он шагнул с карниза.

Мазз повернулся в воздухе, ловко подхватывая его на спину, и качнул раскинутыми крыльями, устремляясь к дворцу, куда уже направился другой синекрылый рухх. Я перевела дух, борясь с желанием опустить руку и прижать её к горящему огнём шраму на боку.

Нам позарез нужен был способ преодолеть огненную стену и выбраться из города. Пройдя по всему периметру столицы, мы не обнаружили ни единой щёлочки, позволявшей протиснуться наружу. Граница была на замке. Где же ключ? Он мог отыскаться на рабочем столе султана среди карт с военными маршрутами и переписки с иностранными правителями, приглашёнными на Ауранзеб – праздник восшествия на трон, который обернулся кровавой ловушкой.

На столе султана я уже рылась, когда сама была пленницей. Теперь мы остались без своего человека во дворце. Значит, придётся кому-то туда проникнуть.

Но как? Сэм мог одолеть стену с помощью своей странной альбийской магии, позволявшей проходить сквозь камень, как сквозь воду. У нас в Мирадже о людях с подобными способностями было неизвестно, поэтому оставалась надежда застать султана врасплох. Но тот был к этому готов, не забыв подробностей нашего бегства. Стены дворца изнутри обшили деревянными панелями, сквозь которые альб мог проникнуть только как обычный человек – сломав их.

Помино этого, гостей поджидали. Не приди Сэму в голову обернуться и выглянуть из каменной стены к нам, чтобы поделиться очередной шуточкой, всё могло закончиться ещё хуже.

Пуля угодила Сэму в плечо. Кровь хлестала ручьём, заливая стену, из которой вывалился раненый. В его крови были и мои руки, подхватившие альба, и рубашка Жиня, взвалившего Сэма на плечо. Кровью пропиталась и постель в Скрытом доме, куда мы доставили его едва живого. Но спасти нашего воришку нам удалось.

Правда, эта вылазка в конечном итоге большой пользы не принесла. Однако урок мы усвоили. Требовался план понадежнее – риск потерять людей был слишком велик. Приходи-

лось ждать, хотя с каждой минутой пленники султана удалялись от нас всё дальше. Возможно, их пытаются... В любой момент их могут убить, но ничего не поделаешь.

Шанс представился лишь с объявлением о султимских состязаниях. Тоже риск, но откладывать больше нельзя.

Оседлав поток воздуха над поднятой мною песчаной тучей, Изз пронёсся над дворцом, отбрасывая тень гигантских синих крыльев на стены и сады гарема, и завис над стеклянным куполом, покрывавшим покои султана. Тяжёлый мешок выпал из клюва и обрушился вниз.

Не удалось сквозь стену, попробуем способ менее деликатный.

Осколки купола, разнесённого взрывом, посыпались в солнечных лучах, словно звёзды с небес, и Мазз с Жинем нырнули в дыру, прямо в султанский кабинет. Изз тут же развернулся и направился назад к молельному дому.

Я посмотрела на его распостёртые крылья в воздухе под собой и глубоко вдохнула, борясь со страхом и в то же время стараясь удержать власть над поднятым песком. Боль отвлекала и мешала движениям, оставалось лишь надеяться на ловкость и проворство рухха. Чуть согнув колени, я прыгнула в бездну. Удар плашмя о жёсткую спину птицы вышиб из груди весь воздух, в глазах потемнело, но я всё ещё не отпускала песок. Изз взмахнул крыльями и помчался обратно к дворцу.

Времени было в обрез. Наваждение, созданное Халой, могло убедить простых жителей Измана, что Шира и впрямь вернулась с того света, но их правителя так просто не провести. Султан сразу поймёт, чьих это рук дело, а вскоре заподозрит, что всё затеяно не только ради народного возмущения. Нас кинутся искать. Я хотела выиграть ещё хоть немного времени для Жиня.

В пробитом куполе виднелся лишь угол стола, за которым мы с султаном когда-то ели подстреленную мною утку, а он забалтывал меня, заставляя сомневаться в Ахмеде. Теперь на столе высилась гора битого стекла. Жинь с Маззом уже скрылись в глубине кабинета.

Морщась от боли в боку, я приподнялась и обернулась. Горячий ветер бил в лицо, раздувал волосы и трепал одежду. Едва удерживая равновесие на спине рухха, я вновь подняла руки, увлекая бурю за собой, но не позволяя ей вновь рассеяться по улицам Измана. Свернувшись в тугую смерч, песок пронёсся под нами, и рухх забил крыльями, чтобы не потерять равновесия. Песчаный водопад устремился вниз, и я, преодолевая обжигающую боль, направила его в дыру и глубже, засыпая коридор, ведущий в кабинет султана, и преграждая дорогу страже. Затем бессильно уронила руки, наслаждаясь облегчением. Режущая боль в боку сменилась тупой, ноющей, но и это было счастьем.

Я упала ничком на спину Изза, тяжело переводя дух. Дело сделано... Хотя песок продержится недолго, рано или поздно солдаты раскопают проход. Тем не менее у Жиня достаточно времени, чтобы найти нужные бумаги – если, конечно, они там есть.

Взмахнув крыльями, рухх поднялся выше, куда не могли достать выстрелы с земли. Отсюда дворцовые постройки казались игрушечными. К покоям султана уже бежали стражники, а люди на площади за стеной стояли на коленях, в то время как видение благословенной султимы рассеивалось перед их глазами. Двенадцать принцев на ступенях дворца застыли в изумлении, один держал в руке меч, но явно не знал, что с ним делать. Взрыв на крыше и появление в воздухе гигантской птицы заставили всех повернуть головы.

Внезапно мне бросилась в глаза одинокая женская фигура в саду возле гарема. Она смотрела в небо, оцепенев, словно обречённая жертва перед абдалом, и я сразу узнала её причёску и линию плеч.

«Лейла! Принцесса-предательница».

Глава 4

С высоты она казалась крошечной и тарасилась на нас, будто мышь на коршуна, не осознавая ещё грозящей ей опасности.

Наклонившись к голове Изза, я показала на Лейлу, и он сразу понял, хоть и не был в человеческом облике, что надо спуститься на землю. Но рухх завис в нерешительности, мерно взбивая воздух огромными крыльями. Ему не хотелось лететь навстречу опасности, нарушая первоначальный план. Да и у меня в голове словно звучал голос Шазад: «Мы не один месяц потратили, чтобы вызволить тебя оттуда, Амани! Иди, если так хочется, но я уже не смогу тебе помочь».

Осторожный Ахмед на моём месте последовал бы доброму совету, но сейчас он далеко, в плену... из-за этой самой Лейлы! Теперь во главе восставших я, и мудрых советов мне получать не от кого.

– Изз, высади меня! – скомандовала я вслух.

На этот раз он послушно нырнул вниз, и я нервно вцепилась в перья на птичьей спине, глядя на несущуюся навстречу землю.

Лейла слишком поздно поняла, что мы летим к ней. Оглянувшись в поисках укрытия, но воздушный толчок от мощных крыльев рухха сбил её с ног. Она сделала неловкую попытку отползти, в ужасе глядя, как я соскальзываю со спины Изза. Тот же обернулся огромным львом причудливо-синей масти, одним прыжком оказался над лежащей девушкой и лапами прижал её руки к земле, не давая подняться. Бритвенно-острые зубы лягнули перед самым лицом пленницы, но она даже не вскрикнула, а лишь молча зажмурилась, будто готовясь умереть.

Явно храбрится. Впрочем, надо отдать должное даже врагу: храбрости ей не занимать. Несколько дней тогда делала вид, что на нашей стороне, и ничем себя не выдала.

– Изз, отпусти, – велела я.

Он отодвинул зубастую пасть и убрал лапы. Прижавшись спиной к садовой стене, Лейла тяжело дышала, не сводя с меня глаз. Я молча вытащила револьвер, прикидывая, как начать разговор. Откинула барабан. Шесть патронов, неплохо.

– Похоже, – задумчиво протянула я, кивая на огненный купол в небе, – за этот... подарок нам тоже следует благодарить твой блестящий гений?

– Мой отец... стража... – дрожащим голосом пролепетала она.

– Думаю, твоего отца и стражу сейчас больше занимает сохранность его бумаг.

В гареме царила странная тишина, нарушаемая лишь судорожными вдохами Лейлы. Барабан с щелчком встал на место, и она вздрогнула – то ли от громкого звука, то ли услышав правду.

– Ты не убьёшь меня... – выдавила она, заворожённо глядя в револьверное дуло.

Всего на год-два младше, а совсем юная с виду. Дворцовое дитя. Сама я росла в пустыне, а там взрослеют быстро. Тем не менее сочувствия к предательнице в душе не находилось. Один раз уже обманулась её невинным и беспомощным видом... И чем кончилось?

– Готова проверить? – Я прицелилась, и она сжалась в комок, словно пыталась сделаться мишенью поменьше. Можно подумать, такому стрелку не всё равно. – Значит, так, – продолжала я деловито, как будто обдумала всё заранее, а не соображала на ходу. Сможет ли простая девчонка из Пыль-Тропы перехитрить гениальную принцессу-изобретательницу? – Задаю тебе вопрос и стреляю. Если скажешь правду, пуля попадёт в стену, а если соврёшь, то в тебя. Ясно?

В расширенных от ужаса глазах пленницы мелькнуло понимание. Демджи не могут лгать, а значит, пулю и в самом деле будет направлять она, а не я.

Изз у меня за спиной неловко переступил с лапы на лапу. Я и сама знала, что затеяла слишком сложную игру, но отступить было поздно.

– Итак... – Я вновь навела револьвер. – Как её убрать, эту стенку, которой ты окружила город?

Лейла подняла на меня глаза:

– Никак...

Я спустила курок, не дав ей договорить. Пуля попала в руку, и крик боли стал лучшим доказательством, что прозвучала ложь. Оглянувшись, я окинула сад опасливым взглядом. Нас не могли не услышать – даже в гареме, где женщины привыкли не обращать внимания на творящиеся кругом зверства.

– Помни, как это больно, когда станешь отвечать снова! – Я обернулась к стонущей Лейле и взвела курок, стараясь скрыть собственное волнение. – Скажи, как убрать огонь, иначе теперь я прострелю тебе колено, и будешь ковылять на бронзовой ноге, как Тамид. Ты ведь помнишь моего друга? Наврала, что привязалась к нему, и уговорила забрать его из дворца, чтобы он невольно привёл к нам солдат.

Принцесса гневно засопела, хоть и морщилась от боли.

– Вы не сможете убрать барьер! – прошипела она и быстро продолжила, пока я не успела выстрелить: – Потому что я ещё не придумала как! Сейчас огонь можно погасить, только выключив машину. – Она говорила о том устройстве в подвале дворца, что убило джинна Фереште и вложило его пламя в абдалов, а теперь питало и стену вокруг столицы. – А для этого надо знать правильные слова.

Мы давно хотели узнать их, чтобы освободить ещё живых джиннов из ловушки, в которую я заманила их по велению султана, и лишить жизни страшные творения Лейлы. Заклинание вызова и пленения джинна нашёл для султана Тамид, но оно приобретало силу только в устах демджи, неизменно правдивых. Весь последний месяц, уже у нас, мой друг детства искал формулу освобождения, но пока безуспешно.

Я выстрелила. На этот раз пуля застряла в стене. Принцесса сказала правду.

«Проклятье!»

– Ты знаешь эти слова? – спросила я.

Прежде она уже говорила, что нет, но тогда играла роль жалкой хныкающей девчонки, а я оказалась слишком доверчива.

– Нет.

Третья пуля рассыпала осколки камня, вновь заставив принцессу скорчиться. Что ж, и на этот раз не соврала.

Лейла залилась слезами, её рыдания прокатились эхом в лабиринте садовых стен.

«Странно, что после моей стрельбы к нам никто не выскочил. Что-то не так!»

Я прислушалась, но помимо всхлипов и заполошного птичьего гомона со стороны зверинца ничего не различила – ни криков паники, ни призывов на помощь. Всё то же мерное журчание фонтанов и уличный шум вдалеке.

– Почему так тихо? – спросила я вслух сама себя, но Лейла ответила.

– Здесь никого больше нет, – выдавила она сквозь слёзы. – Отец усрал всех подальше от города... в безопасное место.

Я будто услышала недосказанное: «Вот видишь, не такой уж он и злодей. Заботится о жёнах и младших детях».

«Наплевать! Главное, что она проговорила. Услал, стало быть. Так-так...»

Вопрос был задан неправильно. Нам нужно выбраться из столицы, но для этого не обязательно убирать огненный барьер. Его можно как-то обойти.

– Значит, выход из города имеется?

– Нет... – начала принцесса, и я вновь подняла револьвер. – Да! Да! – поправила она, в страхе прикрываясь рукой.

Фонтан осколков осыпал ей лицо. Будь это ложь, пуля засела бы в плече. Груз, давивший с тех пор, как я оказалась в огненной ловушке, как будто упал с души.

«Выход всё-таки есть, и та, что его знает, у меня на прицеле. Свобода почти рядом!»

– Как нам выбраться, Лейла?

Всхлипнув, она по-детски утёрла нос рукавом и устала на меня из-под длинных ресниц покрасневшими от слёз тёмными глазами. Черты лица не такие резкие, как у мираджийцев, почти ничего общего с братом Рахимом, да и с султаном тоже. Должно быть, копия своей белокожей громанской матери из северных земель, где были изготовлены компасы-близнецы для Жиня с Ахмедом.

Жизнь в стенах гарема помогла Лейле сохранить бледность, что придавало ей вид беззащитного ребёнка, в то время как брата закалила военная служба под жарким солнцем в горах. Однако в последний раз он выглядел надломленным изменой сестры, которая предпочла ему отца, виновного в смерти матери. Лейлу же, напротив, пережитое явно ожесточило. Глянув на револьвер, она бросила, злобно искривив губы:

– За северными воротами в барьере есть проход. Один человек протиснется.

Я выстрелила, и принцесса скорчилась с болезненным воплем, хватаясь за ногу.

«Ложь!»

– На что ты рассчитывала? – прошипела я вне себя от гнева.

– У тебя кончаются патроны... – выдавила она со стоном.

В самом деле, выстрел был пятым. Остался один патрон, последний.

Над головой мелькнула тень гигантских крыльев: из разбитой крыши дворца взвился Мазз с Жинем на спине. Пора сматываться, времени больше не осталось. Тут же со стороны гарема послышался топот и крики. Солдаты наконец-то вспомнили о любимой дочери султана.

Я снова прицелилась:

– Лейла, как нам выйти из города? Скажи правду, и пуля пройдёт мимо. Снова соврётся, получишь её прямо в лоб.

Пленница подняла на меня испуганный взгляд. Ей было чего бояться. Лицом к лицу с врагом, который вдобавок считает её предательницей. На войне как на войне.

– Зачем говорить, если ты всё равно меня убьёшь? – с дрожью в голосе бросила она. – Если пуля пройдёт мимо, свернёшь шею или придушишь. – Невольно вспомнилось, как она бережно ощупывала синяки от пальцев галанского посла на моей собственной шее. – Тебе нет смысла оставлять меня в живых. – В самом деле, принцесса представляла для нас опасность, и избавиться от неё, получив сведения, было бы разумно. – Я лучше умру, но не предам своего отца и правителя. Ничего не скажу!

Мой палец замер на спусковом крючке.

«Ничего не скажу!» Что хорошего, если пуля попадёт в стену и эти слова окажутся правдой? А если нет, что толку от информатора с пулей во лбу? Хитрая бестия!»

– Ладно, так и быть... – Я нажала на спуск, придерживая курок и снимая его с боевого взвода. Лейла болезненно дёрнулась. Не так уж она и готова к смерти. – Живой не оставлю... здесь. – Убрав револьвер, я схватила её за руку и вздёрнула на ноги. – Идём.

Изд уже менял облик, вновь обращаясь рухмом. Принцесса брыкалась и вопила, но где такой малышке справиться со мной. Не успела она оглянуться, как оказалась впереди меня на спине гигантской птицы, которая стремительно взмыла в воздух. Солдаты даже не успели подбежать на расстояние выстрела.

Глава 5

– Ну и чего вы добились? – Хала сердито захлопнула за собой дверь, и я резко вскинулась, успев задремать на подоконнике.

Лейлу заперли в комнате, которую я делила с Халой. Сказочных украденных принцесс держат в башнях посреди пустыни или в заоблачных дворцах, но в Скрытом доме ей пришлось ютиться в каморке с ненадёжным замком. Впрочем, у нас самих не было и таких удобств.

Большая часть восставших угодила в плен вместе с Ахмедом, но и с нами осталось немало, и пришлось набиться по трое-четверо в комнату, изрядно потеснив женщин с детьми, уже обитающих в доме. Постелями служили подушки, а то и голый пол. Многие спали на крыше, прикрывая кто как мог глаза от неугасимого огненного купола в небе. Можно считать, что нашей бесценной пленнице даже повезло.

Мы с Халой перенесли свои скудные пожитки в соседнюю спальню, где размещалась Сара со своим ребёнком. Крошка Фади, сын покойной Ширы, тоже спал здесь с тех пор, как Сара взяла его на своё попечение. Из нас всех она одна знала, как обращаться с младенцами, хотя пару раз его укачивал и Жинь. Тем не менее, когда закончится война, сиротку придётся как-то пристраивать – если мы победим конечно. Если же нет...

Жинь сидел на полу под окном, прислонившись к стене. Перед тем как задремать, я положила руку ему на голову, словно хотела убедиться, что он рядом. Теперь, оба проснувшись, мы устало взглянули на вошедшую Халу, чувствуя себя вконец вымотанными сегодняшними приключениями во дворце.

Сара в углу качала колыбель, из-под одеяльца виднелась синяя прядь волос маленького Фади. Ещё один демджи, которого ждёт неминуемая смерть, если страну вновь захватят галаны, обступившие столицу. На единственной кровати беспокойно ворочался во сне собственный сынишка Сары, засунув в рот палец. Решётчатая оконная рама отбрасывала тень на его лицо в последних лучах солнца.

Я знала от Шазад, что отцом мальчика был Бахи, друг её детства, погибший от руки моего брата Нуршема по приказу султана. Наше знакомство продолжалось недолго, но внешнее сходство было очевидно: такие же непокорные чёрные кудри и открытый добрый взгляд, который сразу внушил мне доверие в те дни, когда я ещё не знала, можно ли доверять Жиню. Теперь всё это принадлежало ребёнку, которому не суждено увидеть своего отца.

Война забирает людей, и не только наших, но и тех, чьими жизнями мы не имеем права жертвовать. А те, с кем она нас разлучила, с каждым днём всё дальше от нас, и догнать их, чтобы вернуть, никак не получается.

– Где главное, я спрашиваю? – уже тише продолжала золотокожая, прислонившись к двери. Плечи её устало обвисли, словно у марионетки с обрезанными нитками. Исхудавшая, синяки под глазами... – Карта с указанием тайных проходов или что там ещё? А вы вместо этого тащите сюда девицу, которая один раз уже привела к нам солдат! – Она тяжело сползла по двери на пол и вздохнула, усевшись. – В следующий раз я жду подарка получше за все свои усилия. Рубины подойдут... ну или сапфиры на худой конец.

– Схватил, что попалось под руку. – Жинь расправил плечи, задев мою свисавшую с подоконника ногу. – Наверное, такие карты хранятся отдельно... где-нибудь вместе с сапфирами.

В султанском кабинете нашлись кое-какие важные бумаги, но добрыми новостями мы похвастаться не могли. Про наступление галанов было известно и так, они уже расположились под стенами Измана. Добавились лишь сведения, что к ним идёт подкрепление. Вот почему султан не спешил бросать в бой своих абдалов – хотел покончить с захватчиками одним махом. Он лишь послал часть войск на юг, где после разгрома мятежников в столице начались беспорядки, чтобы напомнить населению, чьи они подданные.

Выяснилось также, что султану донесли о намерении эмира Ильяза сдать нам свой город, что сулило Билалу крупные неприятности. Однако правитель Мираджа не знал, что смертельно больной эмир поставил условием своей помощи женитьбу на одной из наших демджи. Нам это условие не подходило, и для захвата власти в Ильязе мы решили использовать нашего сторонника Рахима, которого боготворили местные солдаты. Так что на самом деле Билалу не суждено было стать изменником. Но с тех пор как Рахим попал в плен вместе с принцем Ахмедом, до войска Ильяза мы дотянуться не могли.

Хуже этого оказалась другая новость, от которой у меня застыла кровь в жилах. В день успешной засады на мятежников султан отдал приказ послать солдат за командующим Хамадом, отцом нашей Шазад. Его войска с начала войны охраняли западную границу, не давая врагам проникнуть в Мирадж через территорию Амонпура. Теперь, когда дочь обвинили в измене трону, командующего запросто могли казнить. Столица заперта, как его предупредить?

Шазад смогла бы придумать, но она тоже в темнице, и я не могу связаться ни с ней, ни с её отцом, которому грозит смерть. Сколько раз он рисковал жизнью, добывая ценные сведения, переправляя к нам солдат, недовольных султаном... Помогал даже устроить в Скрытый дом женщин, с которыми плохо обращались мужья. Так много сделал для нас, а теперь погибнет вместе со всей своей семьёй.

Разминая усталое тело, я слезла с подоконника и взглянула на Халу.

– Судя по твоему настроению, разговорить её так и не удалось?

Близился закат, и по улице взад-вперёд сновали обитатели Измана, торопясь закончить дневные дела до наступления комендантского часа, который всё ещё оставался в силе. Затем до самого рассвета в городе будут хозяйничать абдалы, истребляя запоздавших.

Хала раздражённо провела золотистыми ногтями по чёрным волосам:

– Думаешь, легко заморочить голову тому, кто знает, на что ты способна?

А мы так надеялись, что она запросто проникнет в разум Лейлы и заставит всё рассказать! Смогла же когда-то заставить мою тётку принять меня за собственную сестру, а сегодня обвела вокруг пальца целый город. Однако украденная принцесса не случайный прохожий, она отлично представляла себе возможности демджи.

– Вот принесли бы ответы сами, не пришлось бы мне мучиться, – снова фыркнула золотокожая.

Мы виновато молчали.

«Что теперь, собрать штаб и обсудить планы? Так мы делали всегда...»

Я обвела взглядом комнату и поняла, что все и так здесь. Имин погибла, Ахмед, Шазад и Далила неизвестно где, как и Рахим, наш новый соратник. Сэм тоже пропал, близнецы отсыпятся после трудов. Остаёмся мы с Жинем да Хала – две вымотанные демджи и безалаберный чужеземный принц. По сравнению с компанией, что собиралась на совет в шатре Ахмеда в оазисе, – грустное зрелище, тем более что никто толком и не знает, что делать дальше.

Неловкую тишину внезапно прервал громкий голос за окном:

– О мои подданные!

Меня охватил ужас. Голос султана я узнала бы по одному слову даже на другом конце света, даже скорее, чем голос Жиня. Никаких сомнений – правитель Мираджа снова разыскал наше убежище!

Мы – то есть я – похитили Лейлу и тем самым привели к нам её отца. Теперь всё погибло: Жиня ждёт плаха как ещё одного мятежного сына, а нас, демджи, унижительное рабство. Остальные закончат свои дни в темнице где-нибудь посреди песков без всякой надежды на избавление.

Я застыла, пригвождённая к месту, переполненная страхом, видя его отражение на лицах друзей. Жинь опомнился первым: вскочил, выхватил револьвер и приткнулся к стене сбоку от окна. С трудом овладев собой и достав своё оружие, я прижалась с другой стороны и выглянула

наружу, готовая увидеть внизу султана в позе Башира-храбреца, взывающего к прекрасной Рахат, что томится у джинна в башне.

К моему изумлению, посреди улицы возвышался, глядя перед собой пустыми глазами и сверкая начищенной бронзой, один-единственный абдал – механический воин султана, оживлённый огненной кровью джинна Фереште с помощью хитрого устройства, сотворённого Лейлой.

– Я говорю с вами сейчас не как правитель, а как отец. – Слова исходили от абдала, хотя его бронзовые губы оставались неподвижны. – Отец своего народа и своей невинной дочери, принцессы Лейлы, похищенной из дворца опасными преступниками из шайки казнённого изменника...

«Он даже не назвал Ахмеда по имени».

Голос звучал громче, чем у обычного человека. Вытянув шею, я заглянула в конец улицы. На углу стоял другой абдал, оттуда доносились те же слова. Прохожие в страхе вжимались в стены, словно в поисках укрытия, и жадно прислушивались. Похоже, султан расставил своих бронзовых слуг по всему городу, в каждом квартале, и вещал через них сразу тысячам людей.

– Как он это делает? – прошипела я тихонько: вдруг абдалы и слушать умеют.

Не отрывая взгляда от улицы, Жинь хмуро покачал головой. Узорчатая тень от оконной решётки странно искажала его черты.

Султан между тем продолжал:

– Кому-то из вас уже пришлось испытать потерю ребёнка... – Чужие слова из недвижных уст механических чудищ эхом прокатывались по стенам. Я невольно покосилась на Халу – та свирепо закатила глаза. – Каждый на моём месте сделал бы всё, что в его власти, лишь бы вернуть свою дочь. – Недосказанное подразумевалось и звучало, казалось, так же громко: нет ничего, неподвластного султану. – Тот, кто возвратит мне её, получит золота столько, сколько весит сам...

Мой палец на спусковом крючке немного расслабился. Только и всего? Золото за нашу поимку обещали не раз, но никто не продался – не польстится на награду и теперь... Но облегчение длилось недолго.

– Вам следует поторопиться, – продолжал гроыхать знакомый голос. – Пока моя дочь не вернётся во дворец, на рассвете каждого дня будет лишена жизни одна из ваших дочерей!

Пол словно качнулся под ногами, и я зажмурилась, опершись на стену. Страшные слова гремели в ушах, будто рождаясь в самой голове.

– Я прощаю тех моих подданных, кто поддался влиянию изменника. Он сам искупил их преступления своей смертью. Новый рассвет, новая жизнь для оступившихся, – усмехнулся правитель, припомнив боевой клич Ахмеда. – Но не путайте моё милосердие с неведением. Я знаю каждого, кто отвернулся от меня ради лживых обещаний мятежников, и жизнь его дочери станет расплатой за потерю моей!

Я знала: он не лжёт. Султан – человек слова. И о чём только я думала, когда решила похитить Лейлу? Уж точно не о последствиях – всё моя беспечность, от которой прежде спасали рассудительность Шазад и надёжность Ахмеда... Но где они теперь?

– Итак, всё просто, – закончил свою речь правитель Мираджа, – отдайте мне дочь или готовьтесь умирать на рассвете. Выбор за вами!

На улице повисла тишина, и я открыла глаза. Абдал под окном стоял неподвижно, равнодушный и безжалостный, словно ожидал, пока смысл сказанного дойдёт до слушателей. Наконец бронзовое чудище шагнуло вперёд, и скрежет металла по камням мостовой зазвучал со всех сторон – войско абдалов с идеальной слаженностью тронулось с места, возвращаясь в султанский дворец.

Под грохот механических ног я отлепилась от стены, сжимая револьвер. Хала заранее посторонилась, легко догадавшись, куда я направляюсь.

Я с шумом распахнула дверь в комнату пленницы, которая тянулась, стараясь выглянуть в окно, насколько пускала цепь.

– Это ещё что за новое колдовство? – выпалила я и обернулась, услышав плач разбуженного Фади. Сара глянула на меня укоризненно, подняла его на руки и вышла в коридор.

– Говорила я тебе, пожалеешь! – злорадно ухмыльнулась Лейла.

Она тоже слышала речи султана.

– Что это было? – снова спросила я, грозно надвигаясь на неё, но принцесса не дрогнула.

– *Зунгвокс*, – самодовольно выговорила она непонятное слово, – громанское изобретение, с родины моей матери. Я только приспособила его, чтобы говорить через абдалов. Хотела разнести по городу молитвы святого отца, а то все с ума посходили: кланяются моему огненному барьеру как небесному чуду. – Прихрамывая, она вернулась к кровати. – Выходит, наш повелитель нашёл другое применение.

– Думаешь, и правда переживает за дочь? – едко усмехнулась я. – Ему надо вернуть свою изобретательницу.

– Как бы то ни было, ему не всё равно, жива я или нет. – Лейла отбросила скованными руками прядь волос с лица и бросила на меня презрительный взгляд. – А тебе?

Я шагнула вперёд, и она в страхе прижалась к спинке кровати. Подоспевший Жинь коснулся моей руки, и я поняла, что до сих пор сжимаю револьвер.

– Не надо, – шепнул он на ухо, увлекая назад. – Отпусти.

Разжав пальцы, я отдала ему оружие и вернулась в общую комнату, потирая ладонь, на которой остался след от рукоятки, так крепко я её сжимала.

– Ты боишься его, я знаю! – крикнула Лейла вдогонку, когда я запирала дверь. – Правильно делаешь. Смерть девушек будет на твоей совести!

Я не ответила. Знала это и без неё.

* * *

Порыскав на кухне, я нашла чёрствую лепёшку, уселась и стала отламывать от неё кусочки. Сара выгнала нас из спальни, чтобы вновь уложить детей, которых мы разбудили, а Хала отправилась на поиски близнецов. Чтобы занимать меньше места в доме, они спали в облике ящериц или птиц, и разыскать их было непросто. Сейчас мне нужны были все, чтобы выработать план действий, поскольку Шазад больше не могла сделать это за нас.

– Возвращать Лейлу нельзя, – начала я, выразив общую мысль. – Лучшей возможности вернуться из города нам не представится.

– Это понятно. – Жинь задумчиво потёр подбородок. – Будь у Халы в запасе хоть несколько дней, глядишь, и смогла бы вытянуть сведения у неё из головы, но...

– Но девушек начнут убивать уже завтра, – закончила я за него.

Он прислонился к двери и с угрюмым видом скрестил руки на груди, словно ограждая меня от всего мира.

– Ты правильно сделала, что захватила её... Как бы то ни было, это шанс.

– А если она так и не заговорит? – Я глянула ему в глаза. – Что тогда делать?

«У нашего врага целая армия, в его власти огонь джиннов... А что у меня? Я никто – девчонка с окраины пустыни с жалким револьвером в руках. Даже имя мало кто знает – просто Синеглазый Бандит. Похоже, я погорячилась, вызвавшись возглавить мятежников, хотя даже среди оставшихся нашлись бы люди куда образованнее и сообразительнее. Шазад на моём месте уже знала бы, что делать. Ахмед подождал бы, пока не будет уверен. Рахим поднял бы верных ему солдат. А я... просто стреляю наудачу в темноте, надеясь во что-нибудь попасть».

– Придумаем, – хмыкнул Жинь, – как всегда. – Ответ не слишком утешительный, но другого нет.

Я снова принялась шарить по ящикам на кухне, как будто надеялась найти решение там... или хотя бы немного кофе.

– Ты, похоже, совсем не спишь в последнее время, – продолжал он у меня за спиной.

Я хлопнула дверцей буфета.

– Можно подумать, ты спишь. – И вдруг смутилась.

В последний месяц мы с ним постоянно находились на людях, в переполненном Скрытом доме уединиться не получалось. Сейчас, на кухне, мы оказались одни впервые за долгое время... и вдруг такой разговор. Конечно, спать вместе нам ещё не приходилось, но мысли такие у меня возникали. Тут же пропадали, впрочем. Дело, объединявшее нас, казалось бесконечно важнее личных отношений. Тем не менее нас тянуло всё дальше в неведомые воды – во всяком случае новые для меня, – и только от меня зависело, удержит ли якорь.

– Нет, – шепнул Жинь, заметив, как я вздрогнула. Как будто прочёл мои мысли. На кухне внезапно стало душно. – Мне тоже не спится.

Я потянулась к нему первая, но он оказался быстрее. Шагнул вперёд, оттесняя меня к столу, придвинулся вплотную, но остановился, не касаясь. Он явно робел, понимая хрупкость того, что росло между нами.

Тепло его тела ощущалось даже у неостывшей печи. Запрокинув лицо, я осторожно коснулась губами уголка его рта, и сильные руки легли на мою талию под пыльной рубашкой, которую я так и не успела сменить. Его пальцы скользили по коже, вызывая жаркую волну, а от колкой щетины на подбородке по телу разбегались мурашки.

Жинь вздохнул, принимая решение, и обхватил меня крепче, приподнимая и усаживая на край стола. Ладони поползли вверх по спине, задирая и комкая рубашку, и дрожь пронзила меня с головы до ног.

– Тебе бы побриться, – едва выдохнула я, отстраняясь и проводя ладонью по его щеке.

Наши лица были рядом – я сидела, он стоял, – но сил поднять глаза не было. Казалось, если гляну сейчас на него, то всё, что копилось в душе месяцами, выплеснется в кровь и сожжёт меня изнутри. Легче смотреть в упор на полуденное солнце.

– Потом.

Он с улыбкой потёрся щекой о мою ладонь, а затем жадно впился в губы. Ни о чём больше не думая, я обхватила его ногами и прижалась изо всех сил...

– Надо же, а я-то считала слухи, что Сара развела тут бордель, пустыми сплетнями. – Резкий голос Халы заставил нас отшатнуться друг от друга.

– Мне мало известно о борделях, – язвительно фыркнула я, – но, полагаю, двери там должны запираются и в них положено стучать.

Жинь отступил в сторону, давая мне возможность слезть со стола, но остался стоять спиной к вошедшим, так что его усмешку видела я одна.

Золотокожая остановилась на пороге, а по бокам её стояли, ухмыляясь, близнецы с растрёпанными чёрными и синими шевелюрами, закутанные в плащи.

– Это вы так план обсуждаете? – закатила глаза Хала, шагнув в кухню.

– План готов... – С горящим от смущения лицом я одёрнула рубашку. – Мы не отдадим Лейлу, а девушек спасём!

– Отличный план! – просиял Изз.

– Супер! – подхватил Мазз. – Лично мне по душе.

– Просто чудесный, – фыркнула золотокожая, – только никакой это не план, а пока одни слова без подробностей. И потом, с чего ты решила, что способна кого-то спасти, если не смогла ничего сделать для Имин?

Удар пришёлся в больное место, но я не собиралась устраивать дискуссию. Спорить с Халой бесполезно, она просто выплёскивает своё горе, словно накопившийся яд.

– Ради подробностей мы и собрались, – примирительно ответила я.

За окном уже стемнело, и лишь угольки в печи отбрасывали тусклые блики на призрачно-отрешённые лица. Пора обратить их к реальности.

– Нельзя же просто взять и позволить девушкам умереть!

«Против этого нечего возразить? Мы и так видели слишком много смертей».

Когда стало вырисовываться некоторое подобие детального плана, до рассвета оставалось всего несколько часов, и было решено хотя бы немного поспать. В Скрытом доме царила тишина. Мы с Халой отправились по тёмным коридорам в спальню Сары, а мужчины двинулись в другую сторону.

Поднимаясь по лестнице, я заметила полоску света под одной из дверей в верхнем коридоре: Тамид, как всегда, был погружён в свои книги. После предательства Лейлы моему старому другу пришлось остаться с нами. К идеям принца Ахмеда он относился с прохладцей, но лучше такой союзник, чем никакого. Несмотря на тесноту в доме, Тамид затребовал себе отдельную комнату, что нашим не понравилось, но я разрешила. В поисках магических слов для освобождения джиннов ему приходилось жечь масло в лампе от заката до рассвета, да и не хотелось вызывать к себе лишнюю неприязнь Тамида.

Я задержалась на лестничной площадке, и Хала, не сразу заметив, что ушла вперёд, обернулась с кривой усмешкой:

– Да не желает он с тобой разговаривать!

Она мне это напоминала не в первый раз, причём с явным удовольствием: с ней Тамид беседовал охотно. Обычно я сторонилась его комнаты, но не сегодня. Предстояло дело, нужное всем.

– Иди поспи, – бросила я Хале.

Она собралась было ответить резкостью, но лишь беспомощно взвела руки, словно отчаяваясь прошибить мою глупость, и удалилась.

Подождав, пока её шаги затихнут вдали, я подошла к двери и тихо постучала.

– Кто там? – послышалось из комнаты.

В голосе не чувствовалось удивления ночному визиту, однако, толкнув дверь, я поняла по лицу Тамида, что меня он увидеть не ждал. Должно быть, подумал, что Хала принесла ему новую порцию учёных трудов в дополнение к тем, что громоздились по углам комнаты. Раскрытые тома были навалены один на другой или валялись как попало, брошенные за ненадобностью. Золотокожей демджи ничего не стоило зайти незамеченной в библиотеку или подвал молельни и выйти с кипой книг. Прodelьвала она это охотно и почти не жаловалась – то ли наслаждаясь опасностью, то ли ища возможность отвлечься от горя.

С Тамидом они подружились на удивление быстро. Должно быть, их объединяла неприязнь ко мне, затащившей его к мятежникам и не сумевшей вызволить Имин. Небось злословили вовсю у меня за спиной. Откуда иначе Хала знает, что он не хочет со мной разговаривать?

Глянув на меня, Тамид вновь уткнулся в книгу, раскрытую на столе. Он сидел скособочившись, пристроив обрубок ноги на табуретку. Протез стоял в углу, прислонённый к стене: дома Тамид обходился костылями. Чудесная механическая нога, изготовленная Лейлой из бронзы и других металлов, осталась в саду, после того как нам показали скрытый в ней шпионский прибор. Новый протез был простой: деревянный, с грубыми кожаными ремнями, и по удобству не шёл с прежним ни в какое сравнение, зато не мог выдать нас врагу.

Я заглянула в книгу, открытую на цветной иллюстрации, где рушились стены и здания горящего Абаддена.

– Ну как, повезло найти что-нибудь? – Я провела пальцем по языкам пламени, пожиравшим обречённый город.

– Какое уж тут везение, – буркнул Тамид. – Будь у меня хоть капля, не попал бы сюда.

– Стало быть, не нашёл, – вздохнула я.

Он рылся в книгах которую неделю в поисках правильных слов на древнем языке, нужных для того, чтобы освободить джиннов и огонь Фереште: слов на языке, возникшем до того, как люди научились лгать. Сказать их должен был демджи, способный говорить лишь правду, то есть я сама. Правильные слова в правильных устах – могучая сила, способная сделать что угодно: заставить деньги падать с воздуха, разрушить королевства, воскресить мёртвых. Я могла бы защитить наше войско от огня абдалов... если бы войско у нас имелось.

Будь у меня нужные слова, я могла бы вызволить нас из города. Беда в том, что от первого языка сохранились лишь обрывки. До появления абдалов и огненной стены надежда была на гарнизон Ильяза, верный своему бывшему командиру Рахиму. Но кто выстоит против механических истуканов, вооружённых пламенем джиннов? Единственный шанс – разрушить машину Лейлы и лишит абдалов живого огня. Я могу это сделать, но требуется знать правильные слова.

– Ты не об этом пришла спросить. – Тамид устало потёр глаза. – Что тебе надо, Амани?

– Мы захватили пленницу... – Я помялась, но деликатничать было некогда. – Лейлу.

Он поморщился. Принцесса обманула и предала нас обоих, прикинувшись невинным беспомощным ребёнком, запертым в султанском гареме. Мой приятель одно время испытывал к ней нежные чувства, а она использовала его как инструмент, чтобы раскрыть султану наше убежище. По её вине погибли многие, и не только мои друзья.

– Мало вам прошлого раза? – язвительно усмехнулся он.

Не найдя, где присесть, я устало прислонилась к двери.

– Она кое-что знает... очень нужное для нас.

– Если это не заклинание, освобождающее джинна, мне всё равно.

– Нет, – покачала я головой. – Зато она может помочь выбраться из города. – Тамид наконец поднял глаза, в которых зажглись искорки интереса. – Только говорить не хочет, особенно со мной. Может, тебе удастся её расшевелить?

– Сомневаюсь, – фыркнул он, не задумываясь.

– Я бы не просила тебя, но нужда заставляет. Если не вернуть султану дочь, он начнёт убивать кого попало, а выход за стену найти надо. Ты не можешь хотя бы попробовать, прежде чем отказываться? – Он отвёл взгляд и вновь сердито уставился в книгу. – Тамид! – В моём голосе прозвучало отчаяние. – Мне очень нужна твоя помощь.

– Ну конечно! – Он презрительно искривил губы, не отрывая взгляда от страницы. – Тебе, кому же ещё? Всю жизнь одна ты и только ты... Я и здесь оказался из-за тебя, и Лейла меня использовала, чтобы добраться до тебя. Даже это... – Он махнул рукой на горы книг. – Для тебя!

За внезапной вспышкой последовало неловкое молчание. Хотелось возразить, что это не так, что в Пыль-Тропе он сам привязался ко мне... С другой стороны, я и правда всегда хотела вытащить его с собой в большой мир, а он старался меня удержать... и не смог. Моя тяга оказалась сильнее. Но Лейла... Тут уж я точно ни при чём!

– Разве она смастерила тебе ту ногу не до того, как я попала во дворец? – Я постаралась убрать из голоса обвиняющие нотки, которые можно было бы принять за ревность. – Хочешь считать себя мучеником, пожалуйста. Но зачем отдавать на смерть случайных мирных людей?

Тамид молча смотрел в книгу.

– Хорошо, поговорю с ней, – проронил он наконец, – но у меня одно условие.

«Да сколько угодно!» Но вслух я сказала другое:

– Какое?

– Если она покажет выход из города, я тоже уйду. Не желаю в этом всём участвовать: ни в вашем мятеже, ни в спасении узников, которое вы затеяли. Я сам по себе, и я хочу домой. Меня никогда не тянуло оттуда уехать.

«Назад в Пыль-Тропу?»

Я никогда не могла этого понять. У Тамида была только одна мечта – выучиться на святого отца и однажды возглавить молельный дом. Я же готова на что угодно, лишь бы не возвращаться в ту дыру на окраине песков, которая сомкнёт на мне свои железные челюсти и больше не выпустит.

– А о других ты подумал? – прищурилась я. – Здесь, на севере, никто, кроме тебя, не знает древнего языка. – Старые традиции и языки сохранились только у нас в Захолустье, и Тамида святой отец успел кое-чему научить. – Если мы не отыщем способ остановить машину султана, всё погубло.

– Хотите держать меня взаперти, пока я что-нибудь не откопаю? – Тамид с горечью скривился. – Можешь поверить, я старался. – Он сердито махнул рукой на книжные завалы. – Мне очень жаль, но... раз до сих пор не нашёл, едва ли когда-нибудь найду.

На самом деле меня тоже грызло ощущение, что, будь заветные слова в книгах, они уже нашлись бы.

– Ладно, – уступила я, – если выберемся, доставим тебя как можно ближе к Пыль-Тропе. Только поговори с Лейлой, и поскорее.

Я уже повернулась лицом к двери, но он задержал меня:

– Амани... – Оставив дверь полуоткрытой, я оглянулась и заметила боль в его глазах. – Это ещё не всё... – Тамид окинул взглядом разбросанные по комнате книги, будто надеялся отыскать разгадку в последний момент. – Я кое-что узнал... Нет, не способ, но... – Он заговорил медленно, тщательно подбирая слова: – В описаниях смерти джиннов, во всех без исключения, ещё с самой первой войны, говорится, что при этом разрушалось всё вокруг. Джинны состоят из огня и, когда гибнут, взлетают в небо и становятся звёздами. Это как взрыв... Ужасный взрыв, который уничтожает целые города! Реки выкипают, земля трясётся и раскалывается... После гибели джинна Фереште машина Лейлы овладела его мощью, подчинила её, создала огненную завесу и оживила абдалов. Если теперь машину выключить, сила вырвется наружу, и...

Тамид умолк, неловко отводя глаза. Я понятливо кивнула:

– Значит, погибнет и тот, кто выключит.

Как бы ни складывались наши отношения с Тамидом, ни один не хотел смерти другого. Мой взгляд вновь упал на картинку с горящим городом. Легко представить, что натворит в подвалах султанского дворца огонь Фереште, освобождённый из громанской машины Лейлы. Однако не это терзало мой усталый разум. Погибнуть я могла от многих причин задолго до того, как рискну отправиться в подземелье джиннов. Сейчас есть более насущные дела.

– Всё это потом, Тамид, – вздохнула я, потирая лицо, чтобы прогнать усталость. – Нам надо спасти ту, которой назначено умереть завтра.

Глава 6

Пробираться в ночной тьме по улицам Измана, где бродят абдалы, было непросто. Для обычного человека – невозможно, но не для демджи. Когда небо на востоке по ту сторону огненной стены начало светлеть, мы уже добрались до окрестностей дворца, укрылись в подворотне и, дождавшись восхода, когда улицы стали наполняться прохожими, смешались с толпой на площади.

Вокруг царило непривычное возбуждение. Жители Измана только вчера собирались здесь, чтобы поглазеть на султимские состязания, которые мы так неожиданно прервали, а сегодня не было даже известно, чего ожидать: обмена заложников или публичной казни. Отношение к ней публики было явно иным, чем в случае мятежного принца или благословенной султимы, которые стали законными жертвами так называемого султанского правосудия. А та, которой грозила плаха сегодня, ни в чём не повинна и должна ответить за чужие преступления. Судя по угрюмо сжатым губам и потупленным взглядам окружающих, это понимала не одна я.

Тем не менее народ валом валил на площадь с самого рассвета. Наш маленький отряд разделился: мы с Жинем заняли выгодные места, держа револьверы наготове, Изз и Мазз в облике скворцов уселись на ближайшей крыше, а Хала держалась позади, приглядывая за всеми.

Наибольшую угрозу представляли абдалы. Из-за них в своё время я и не смогла спасти Имин, да и чары золотокожей на глиняных истуканов не действовали. Подберёшься близко – сожгут заживо. Единственный шанс – уничтожить магическое слово, дающее им жизнь, которое спрятано в пятке и прикрыто металлом. Изз может обернуться леопардом и сорвать когтями бронзовый щиток, и тогда я или Жинь, кому из нас ближе, попробуем достать пулей слово, а Мазз в облике рухха унесёт пленницу. План довольно шаткий, но всё же лучше, чем ничего, как в день гибели Имин.

Я вгляделась в помост, где они с Широю расстались с жизнью. Уже совсем рассвело, и все глаза на площади устремились в ту сторону в ожидании несчастной, что умрёт за наши грехи. Минута проходила за минутой, и я то и дело нервно дотрагивалась до рукоятки револьвера на боку.

Тишина. Двери закрыты. Ни абдалов, ни девушки.

– Может, принцессу вернули? – предположил кто-то за спиной.

– А может, он просто пугал?

Ни то ни другое – кому знать, как не мне.

«Чего же ждёт султан?»

Краем глаза я уловила движение – не на помосте, а выше и в стороне, на вершине дворцовой стены. Сперва подумалось – игра света, но что-то притягивало взгляд, словно я могла видеть сквозь каменную кладку.

А затем кровавым пятном на фоне рассветного неба над стеной появилась величественная фигура правителя в пурпурной куртке и сияющей золотом куфии. Султан прижимал к себе за талию молодую девушку, а по бокам стояли абдалы, отсвечивая в солнечных лучах доспехами из бронзы. Я задохнулась от ненависти и разочарования.

Белая ночная рубашка заложницы колыхалась на утреннем ветерке, чёрные волосы повисли спутанными прядями. Смертельно бледное лицо оживляла лишь ярко-алая черта поперёк шеи, и на миг я подумала, что горло уже перерезано, но это была верёвка. Могло показаться, что девушка просто опустила куфию, если бы такая же алая черта не тянулась к зубцу той самой стены, с которой спрыгнули мы с Жинем, спасаясь от мясорубки прошлого Ауранзеба.

Та верёвка помогла нам. Эта означала совсем другое. Султан не собирался казнить заложницу на плахе. Он решил её повесить!

До стены далеко, отсюда не достать. С колотящимся сердцем я обвела взглядом площадь, но за головами людей не разглядела никого из своих и в отчаянии стала проталкиваться в ту сторону, где ждали близнецы.

«Надо подать им знак, что план меняется, чтобы они летели к дворцу. Надо найти Халу, пусть затуманит разум султана, остановит его... или самой подобраться ближе и вlepить ему пулю в лоб. Что угодно, лишь бы не дать девушке умереть!»

Толпа не давала пройти, напирая, будто встречное течение бурной реки. Лица вокруг одно за другим задирались кверху, замечая происходящее на стене.

Правитель шагнул к самому краю и подтащил заложницу. Я могла разглядеть, как она трясётся от страха, заливаясь слезами, как её повернули лицом к пропасти, за которой поднималось солнце, как султан наклонился и шепнул ей что-то на ухо... только сделать ничего не могла.

Он толкнул её одним быстрым и сильным движением, и вопль обречённой распорол воздух над площадью, смешавшись с криками толпы. Теперь все глаза были устремлены вверх. Ноги падающей, туго облепленные ночной рубашкой, отчаянно перебирали в воздухе, пытаясь найти опору, а длинная верёвка тянулась над головой алым следом, будто куфия, подхваченная ветерком в пустыне.

Вот она размоталась до конца, натянувшись кровавой струной, и петля вокруг горла с жутким хрустом остановила падение. Вопль несчастной резко оборвался. Всё кончено.

* * *

Её звали Рима. Она была из портового квартала, росла в бедной семье. На двери их дома алой краской был нарисован солнечный знак, оставшийся от уличного бунта после казни благословенной султимы. Потому девушку и выбрали. Солнце Ахмеда превратилось из символа сопротивления в мишень.

Взять ночью из постели могли любую из пяти дочерей, но султан предпочёл казнить Риму, потому что по возрасту она была ближе всех ко мне.

* * *

Мы не смогли спасти и вторую жертву по имени Гхада, не получили ни единого шанса. Даже не видели её живой. На рассвете следующего дня её мёртвое тело уже висело на стене рядом с первым. Девушку убили ещё внутри, во дворце. Султану хватало ума не повторять дважды один и тот же трюк.

В тот же день её отец, принимавший участие в уличных бунтах, вышел на дворцовую площадь и при всех проклял мятежников, которые погубили его невинную дочь. Я не могла его осуждать: в семье росла ещё одна.

* * *

Имя третьей было Наима, и она тоже умерла из-за нас. Мы всегда опаздывали, как ни старались. Чтобы успеть, надо было проникнуть во дворец. А как это сделать без Сэма? Да что там говорить, даже с ним один раз уже не получилось!

– Она осталась сиротой, – рассказывала Сара, укачивая малыша Фади, – но росла не одна, с четырьмя братьями...

Шторы скрывали нас от любопытных взглядов с улицы, но рассветное зарево в решётчатом окне позволяло разглядеть тревогу на её лице. Сара чего-то не договаривала.

– Что ещё? – нахмурилась я.

– Да не казни ты себя! – вмешался Жинь, не дав ей ответить. Он прислонился к стене напротив, слушая наш разговор. – Не можешь же ты быть в ответе за каждую жертву в этом мятеже... Не больше Ахмеда.

Разумный совет, то же самое сказала бы и Шазад, останься она с нами. Однако теперь на их с Ахмедом месте оказалась я. Говорила Тамиду, что больше не допущу, чтобы по моей вине гибли люди, но три тела, висящие на дворцовой стене, доказывают обратное, и ничего тут не поделаешь.

«Может, самонадеянная и себялюбивая девчонка из Пыль-Тропы не так уж и изменилась? Может, вернуться с ним домой было бы честнее?»

– За эту... в ответе, – буркнула я.

Спорить никто не стал: правда есть правда.

Сара обвела взглядом наши лица и продолжила рассказывать:

– Говорят, их выдал сосед. Пошёл во дворец и сказал, что братья сочувствуют мятежникам. Он и сам дрался со стражниками во время бунта, его считали другом...

– А потом донёс, чтобы спасти собственную дочь, – договорил Жинь.

Сара хмуро кивнула:

– Братья догадались и забили его до смерти. Труп только что нашли.

У меня защемило сердце. Горе, месть, кровь... Кто-то должен был заплатить, если не султан.

– Он того и хочет, – усмехнулся Жинь, – чтобы друзья мятежников передрались между собой.

– А мы никак не можем помешать, – уныло пробормотала я.

– Ну так что, – заговорила Хала, – будем и дальше тупо наблюдать или исправим наконец твою ошибку? Пускай безутешный папаша забирает свою никому не нужную принцессу.

– Для него она очень даже нужная!

Я глянула на закрытую дверь, за которой Тамид в непервый раз пытался разговорить пленницу. Пока ничего не получалось, но он ещё надеялся. Притащил священные книги, вызывая к религиозным чувствам... Глупо, на мой взгляд: она же, по сути, собственными руками убила бессмертного древнего! С другой стороны, что ещё остаётся?

– А зачем возвращать её живой? – хмыкнула золотокожая, и я резко повернулась к ней.

В комнате повисло напряжённое молчание.

«Нет, похоже, сказано всерьёз... Хала вообще редко шутит теперь, после смерти Имин».

– Не убивать же её, – растерянно поднял брови Жинь.

– Почему бы и нет? – Хала издевательски повторила его гримасу. – Может, потому, что Лейла твоя сестра? Да она с удовольствием прикончила бы нас всех! И султан не уточнял, живой её хочет получить или мёртвой.

– Думаю, живой, – сухо произнёс Жинь, – это подразумевается, когда речь идёт о заложниках.

– Мы, дети джиннов, понимаем всё буквально, – едко усмехнулась золотокожая. Близнецы, примостившиеся рядом на подоконнике, неловко переглянулись. – И вообще, не тебе это решать! – Она перевела взгляд с Жиня на меня.

Теперь на меня смотрели все. Я понимала, что Жинь ждёт моего решительного «нет», и всё же колебалась.

Султан хочет натравить на нас весь город. Повесил уже третью девушку, а злодеями получаемся мы! Герои принцесс спасают и уж точно не выжидают в стороне, когда гибнут невинные. Люди скоро забудут, кто убийца, а запомнят лишь, что на виселицу их дочерей отправили по нашей вине. Конечно, смерть Лейлы не поможет выбраться из города, но хотя бы остановит

жуткую череду убийств и не даст горожанам отвернуться от восстания, пока мы не освободим его главу.

Всё верно, только... каким же чудовищем надо быть, чтобы бросить к ногам отца безжизненное тело дочери?

Ответить я не успела: дверь в комнату Лейлы скрипнула, и на пороге появился Тамид со священной книгой под мышкой.

– Ну как? – спросила я без особой надежды, но в глубине души радуясь отсрочке.

– Пока ничего, но... – Он помялся, опустив взгляд, словно в страхе от того, что собирался сказать. – Мне пришло в голову, как заставить её заговорить.

– Пригрозить смертью? – скривилась Хала. – Не поможет. Она не раз давала понять, что не боится... во всяком случае, ей так кажется. – Золотокожая выразительно глянула на меня.

– Нет, – возразил Тамид, – кое-что она всё-таки боится потерять. То, что ценит больше всего на свете. – Он помолчал, хорошо зная, как важен его совет сейчас, когда ничего другого не остаётся. Повернулся к Хале: – Тот, кто забрал твои пальцы... Ты правда сделала с ним то, о чём говорят?

Даже я никогда не решалась спрашивать её об этом. Мало кому из демджи нравится рассказывать о своём прошлом: слишком тяжело выживать в стране под властью чужеземцев, которые стремятся уничтожить таких, как ты. Да и без галанов детей с чудесными способностями повсюду продают в рабство и убивают. Золотокожая не была исключением. Из-за неё спятила родная мать, но ещё в лагере, когда он у нас был, ходили слухи, что Хала отомстила тому, кто отрезал и продал её пальцы. Она разбила его разум вдребезги и навсегда обрушила в пучину безумия.

Вот что имел в виду Тамид. Одно дело – смерть, совсем другое – жизнь без разума, гордости Лейлы и главного достоинства, за которое её ценит султан. А что такое безумие, она прекрасно знает. Её собственная мать сошла с ума, когда строила и испытывала машину. А Лейла потом забрала разум у Аьет, Мухны и Узмы, ревнивых, но безобидных жён султима Кадира, и скормила их жизненную искру своему зловещему механическому творению, готовясь запустить его в полную силу на огне убитого джинна.

Пускай принцесса и не страшится смерти, но стать бессмысленным животным с пустыми глазами она не захочет.

– Правда? – допытывался Тамид, пристально глядя на Халу.

Она задумчиво провела большим пальцем трёхпалой руки по золотым губам.

– Нет, – ответила наконец, – я сделала хуже... Вам такого даже не представить.

* * *

Когда я вошла в комнату к Лейле, принцесса лежала на кровати, свернувшись в клубок. Совсем как моя двоюродная сестра Олия, когда та дулась в своём огороженном уголке общей спальни у нас в Пыль-Тропе, делая вид, что вовсе не нуждается ни в чём внимании.

– Снова будешь стрелять в меня? – буркнула Лейла в подушку, будто случайно выставляя напоказ перебинтованную руку. Тамид постарался заштопать рану как следует: не хватало ещё пленнице впустую истечь кровью, хотя я бы заставила её мучиться подольше.

– Нет. Пришла дать тебе последний шанс сохранить свои драгоценные мозги. – Я присела на край кровати. – Видела когда-нибудь, как сходят с ума? Мне приходилось. Один парень, по имени Базет, из посёлка, где я выросла... У него будто пламя полыхало в голове, и никак нельзя было потушить. Корчился, орал с пеной у рта, бредил, и в конце концов мой дядя его пристрелил как собаку прямо на улице, из жалости, да и чтобы ни на кого не набросился. – Слушая, принцесса резко вскинулась, опершись на подушку здоровой рукой. – Так вот, Хала

не только насылает иллюзии, она легко сделает с тобой то же самое: уничтожит твой разум навсегда, и, поверь, ей очень хочется это сделать.

Приоткрыв рот, Лейла с ужасом вытаращилась на меня своими огромными детскими глазами.

– Вы не посмеете! Я вам нужна.

– До сих пор ты стоила нам больше жизней, чем помогла спасти. И потом, не навечно же твой отец запер город, когда-нибудь мы и сами выйдем наружу. Просто я хочу, чтобы люди перестали гибнуть уже сейчас. Если ты вернёшься к отцу, хоть и безмозгой, казни прекратятся, но не думаю, что ты будешь представлять для него ценность, если не сможешь больше мастерить военные игрушки. Любимой дочуркой уж точно не останешься.

Судя по бегающему взгляду, принцесса лихорадочно прикидывала цену своей откровенности.

– Куда вы собрались идти? – выпалила она наконец. Затем прищурилась и спросила уже тише: – Спасать моего брата?

Вопрос застал меня врасплох. Вот уж не думала, что он ей небезразличен. Когда Рахима арестовывали вместе с другими нашими друзьями, она назвала его предателем семьи, но сейчас в её голосе звучала робость, даже нежность. Брат есть брат, что уж тут говорить. Из множества детей султана у него одного с Лейлой была общая мать.

– Да, собираемся.

Вообще-то спасать мы хотели двоих братьев, но что Ахмед жив, принцессе знать не полагось.

Она задумчиво пожевала губу, затем хмуро обронила:

– От дворца ведут подземные ходы... – Затем вдруг зачастила, будто старалась поскорее выговорить предательские слова: – Мне надо было напиться завесу силой от машины, и отец приказал выкопать туннели, чтобы протянуть провода. Когда пришли галаны, через один такой туннель уже вывели из гарема жён и детей и посадили на корабль в порту. Но потом все выходы заложили кирпичом.

Что ж, кирпич не огненная стена, уже легче. Я поднялась с кровати.

– Покажешь нам ходы на карте, все до одного... и не вздумай лгать, у меня есть способ проверить, – выразительно кивнула я на её забинтованную руку.

– А что толку? – усмехнулась Лейла мне в спину. Начав говорить, она не могла остановиться. – Даже если выйдете за периметр, другой завесы вам не пройти!

Уже взявшись за дверную ручку, я застыла на месте.

«Дразнит, мерзавка, испытывает моё любопытство. А вот нарочно не спрошу!.. Нет, не время и не место для мелочных обид, особенно когда идёт война».

Я медленно повернулась и задала ожидаемый вопрос:

– Что ещё за другая завеса?

– Та, что вокруг тюрьмы, где содержат ваших предателей. – Подтянув колени к подбородку, принцесса самодовольно ухмыльнулась и продолжила с издёвкой: – А откуда, ты думаешь, отец взял идею, как защитить город от врагов?

Ашра и её стена! Старая легенда всплыла в памяти, едва я увидела огненную завесу вокруг Измана. И не только у меня: имя из священных книг переходило тогда из уст в уста по всей столице. Да и как могло быть иначе? Но... неужели и Лейла говорит о стене Ашры? Ведь это означало бы, что Ахмеда с остальными пленными отправили в...

– Эремот, – кивнула она с мрачным удовлетворением. – Их держат в Эремоте.

Древнее слово вызывало невольную дрожь, которая проникала в самую душу. В незапамятные времена моя бессмертная часть уже побывала в тех страшных краях. Побывала и не забыла... Эремот упоминался в Святом писании как место, откуда явилась в мир Разруши-

тельница со своим войском нечистых тварей, и там же её вновь заточили в конце самой первой войны. С тех самых пор огненная завеса Ашры сдерживает силы тьмы.

– Эремот, он же просто... – начала я и осеклась. Слово никак не хотело выговариваться.

– Легенда? – с самодовольной усмешкой закончила за меня Лейла. – Дыра на краю света?

И никто не знает где? А я знаю! При желании в старых книгах можно многое нарыть.

«Думаешь нас напугать? Ха! Да я сама выросла в дыре на краю света, и Жинь отыскал меня вполне живой и здоровой».

– Ничего, отыщем без тебя, – хмыкнула я.

«Компас Жиня укажет на Ахмеда, где бы тот ни находился, в Эремоте или нет».

– Ну, ищите, – пожалала плечами принцесса. – Только даже если найдёте, то как проникнете внутрь? Как преодолеете священный барьер против зла, возведённый силой самопожертвования, который...

– Который будет стоять, пока храбрость человеческая не иссякнет, – подхватила я. – Мне тоже доводилось заглядывать в Священное писание.

Ашра родилась в семье ткача, когда самая первая война уже подходила к концу. Войско тьмы потеснили и рассеяли, и упыри бродили в песках поодиночке. Самые страшные творения Разрушительницы были повержены такими героями, как Аталла, Серый принц, султан Сорунш и защитник Башиба, а сама Разрушительница скрылась в недрах земли, откуда пришла изначально.

Однако время от времени она вырывалась из своего логова и наводила ужас на обитателей песков. Джинны уже опасались, что люди, созданные ими для борьбы с ней, в конце концов не справятся, и объявили, что тот, кто заточит Разрушительницу навсегда, получит в награду бессмертие.

Многие герои совершали попытки, но гибли один за другим. Ашра не стремилась в герои, она была простой девушкой, старшей из дюжины других детей, жила в нищей деревеньке в горах и день за днём помогала своему отцу красить шерсть, а по вечерам – матери прибираться и готовить еду.

А затем как-то ночью в деревню явилась Разрушительница.

Оружия у селян не было, они просто разожгли факелы и поставили их в круг, а сами сбились в кучу посередине, надеясь продержаться до рассвета.

Подкравшись из мрака, Разрушительница громко расхохоталась, и от её дыхания все факелы погасли... кроме одного, возле которого стояла Ашра со своими родными. Тогда девушка схватила факел и подожгла сама себя.

Человеческое тело горит плохо, но, по легенде, Ашра проглотила искру, от которой загорелась и её душа. Пламя было таким ярким, что Разрушительница отшатнулась. Девушка шагнула следом и так, шаг за шагом, оттесняла Разрушительницу от людей, пока не загнала обратно в Эремот. А по пути сплела из огня, объявшего тело и душу, непроницаемую завесу – подобно коврам, которые её учил ткать отец. Завеса получилась такая высокая и широкая, что окружила вход надёжной стеной, заключив Разрушительницу в Эремоте.

Оценив жертву Ашры, джинны исполнили своё обещание. Они даровали девушке бессмертие, но не в человеческом облике – она сама стала огненной завесой, и душе её предстояло гореть вечно. Пока стена Ашры стоит, Разрушительнице не выбраться наружу, но, если когда-нибудь стена падёт, мир снова погрузится во тьму.

Вот почему Лейла спросила, собираемся ли мы спасти Рахима. Дело было не во внезапно вспыхнувшей любви к брату-предателю. Принцессе надо было увериться в том, что, даже выбравшись из города, мы всё равно потерпим поражение. Впереди ещё одна стена!

– Зачем твой отец отправил их в Эремот? – спросила я, вновь пожившись от страшного слова. – Если он решил нарушить своё обещание сохранить им жизнь, то мог найти способ убийства попроще.

– Он не собирался их убивать, – она довольно прищурилась, глянув сквозь длинные чёрные ресницы. – Ему кое-что нужно достать из Эрмота. Хотя, возможно, кое-кто и умрёт: копать в темноте нелегко... Но жизнь каторжника недорого стоит – предатель есть предатель.

Я уже не слушала, поглощённая своими мыслями.

«В Эрмоте султану может быть нужно только одно!»

– Твой отец хочет выпустить из заточения Разрушительницу? – Конечно, легенды часто недоговаривают, а то и просто далеки от истины – мне ли не знать! – тем не менее кое-чем шутить не стоит... особенно с силами тьмы. – Не знаю, насколько внимательно ты читала книги, – продолжила я, – но... не слишком ли велик риск? Султан не боится, что погибнет всё человечество?

– Он не собирается её выпускать! – горячо возразила Лейла. – Разрушительница нужна для того же, для чего и джинны. Мой отец настоящий герой – он покончит с ней раз и навсегда!

«Теперь ясно: она умрёт и станет новым источником силы для султана. Говорил же он мне, что время бессмертных подошло к концу, и людям пора жить по-своему, не опираясь на легенды и магию. Он только и делал, что разрушал наши легенды одну за другой, насильно втаскивая Мирадж в новую эпоху. И неважно, что приходится при этом идти на риск, высвобождая из земли древнее зло».

– Без тебя ему не справиться, верно? – задумчиво обронила я.

Самодовольство во взгляде Лейлы миг сменилось страхом:

– Если вы меня убьёте, он найдёт других! На родине моей матери полно таких, как я, с изобретениями и научными идеями.

«Да уж, и притом готовых наплевать на нашу веру... да и на здравый смысл!»

Мне не хотелось убивать принцессу, но не оставлять же её с нами. Даже если удастся найти выход из города, что-то надо придумать, иначе заложницы так и будут умирать день за днём.

На самом деле план у меня в голове уже складывался, но для его успеха требовался особый помощник.

«Надо срочно вернуть Сэма».

Глава 7

Беглого альба пришлось разыскивать целый день, и моё раздражение росло с каждой минутой. К полудню, изнывая в пропотевших насквозь рубашке и куфии и отбрасывая налипшие на лоб волосы, я уже придумывала изоцрѐнные способы убийства, а вечером, напав наконец на след, рисовала себе предсмертную агонию паршивца в самых живописных красках.

Нам крупно повезло, что он не истѐк кровью после той неудачной попытки проникнуть во дворец сквозь стену. Подстреленного стражниками альба удалось доставить в Скрытый дом живым лишь благодаря способностям Халы, а потом ещё несколько часов мы делали всё возможное, чтобы не дать ему умереть, в то же время готовые в любой момент сорваться с места, если появятся солдаты. Султан уже раз выследил наше убежище, и снова рисковать не хотелось.

В конце концов кровотечение прекратилось, Сэм задышал ровнее, но жизнь его всё ещё висела на волоске. Слава Всевышнему, в двери Скрытого дома никто не ломился – на этот раз пронесло. Всю ночь я тогда провела у постели раненого, а остальные дежурили на улицах, высматривая шпикив. Унести его с собой в случае чего было бы невозможно, оставалось только молиться.

Так прошло ещё три дня и три ночи, а затем я очнулась от беспокойного сна, растирая помятое лицо, и обнаружила постель Сэма пустой. Остались лишь следы крови на сбитых в сторону простынях. Сначала я подумала, что он ночью умер и Жинь унёс тело сам, чтобы меня не тревожить, но тут ощутила на запястье золотой браслет с изумрудами – одну из тех драгоценных вещей, которыми Шазад когда-то платила альбу за сведения из гарема.

Браслет, как я поняла, был своего рода прощальной запиской. «Никакие деньги не стоят того, чтобы за них умирать», – гласила она. Да кто бы спорил, глупо отдавать жизнь за золото, только я-то уже думала, что Сэма удерживает с нами нечто большее. Тем не менее все остальные побрякушки он унёс с собой до последнего колечка.

Благодаря подаркам Шазад беглец в конце концов и нашѐлся. Золотых дел мастер на углу Лунной улицы был известен тем, что скупал драгоценности, не задавая лишних вопросов. Пришлось его, конечно, подмазать, но главное я узнала: Сэм побывал у него сегодня, направляясь в «Белую рыбу» – портовую забегаловку на причале, где толклись моряки со всех концов света. Особенно теперь, когда огненная завеса преградила выход из гавани и прошѐл слух, что кто-то из местных завсегдагаев знает безопасный проход и готов за хорошую цену указать его.

Я слышала это и прежде, но не верила, разумеется, ни единому слову. Однако наш альб, похоже, был настолько глуп, что повѐлся на очевидную брехню.

Изнемогая от жары и усталости после многочасового шатания по улицам, я переступила порог «Белой рыбы», и к едкому поту тут же прибавились липкие взгляды десятков мужчин. Несмотря на закрытый наряд уроженки песков и оружие на поясе, они видели перед собой женщину, которая заявила в чисто мужскую компанию. К сожалению, за целый год сытой жизни моя тощая фигура обрела выразительные формы и больше не позволяла переодеться юношей.

Продираясь через толпу пьющих и играющих в карты, я озиралась в поисках знакомого лица. Люди неохотно расступались, но один здоровяк вдруг решительно перегородил путь, так что я едва не наткнулась на него.

– Сколько? – бросил он без предисловий.

– Чтобы ты убрался с дороги? – фыркнула я, кладя руку на рукоять револьвера. – Пока считаю до трёх, можешь бесплатно, потом стану отстреливать по пальцу.

Он опустил взгляд на мой револьвер, уже нацеленный на носок его башмака. На таком расстоянии не промахнѐтся даже новичок.

Чья-то рука обняла меня за плечи, но я успела узнать звонкий смешок, похожий на луч солнца, пробившийся сквозь хмурые тучи.

– Оставь в покое мою подружку, – беззаботно проговорил Сэм, явно стараясь рассеять напряжение. – Всё равно я один знаю, как с ней справляться. – Он весело подмигнул верзиле, а затем шепнул мне по-альбийски: – Убери пушку, пока он не наделал глупостей, а нам не пришлось геройствовать.

Я сердито закусила губу, но была вынуждена признать правоту альба: не хватало ещё привлечь к себе внимание кабацкой дракой.

Окинув нас хмурым взглядом, моряк отступил в сторону, и Сэм потянул меня к компании картёжников у окна, с интересом следивших за нами.

– Прошу прощения, парни, – объявил он громко, – это мой амулет на удачу, без него никак. – Плюхнулся на стул и рывком усадил меня к себе на колени, так что я не успела даже опомниться.

Самая мучительная из смертей, придуманных для Сэма за этот день, переместилась на вершину списка.

Однако, надо признать, заинтересованные мужские взгляды тут же потухли, а игроки за столом переглянулись с понимающими ухмылками. Незваная гостья больше не вызывала вопросов: у женщины нашёлся владелец. Сэм хорошо знал, что делает.

– С таким раскладом никакая удача не поможет, чужеземец, – усмехнулся игрок в тёмно-зелёной куфии, небрежно спущенной на шею.

– Вы подсмотрели мои карты?! – Альб с театральным ужасом схватился за сердце. – Ах вы мошенники, ах негодяи...

Мне было не до шуток, время поджимало.

– Сэм, – перебила я, – возьми мне что-нибудь выпить. – Альб хотел было возразить, но моя рука многозначительно сжала его рукав, где ощущались плотные края запряганных карт. – Давай, не то скажу что-нибудь, и тебя тут пристрелят. – Я с угрожающим видом вскочила с его колен.

– Господа, – горестно развёл он руками, поднимаясь и отодвигая стул, – ваша нескромность вынуждает меня пропустить этот заход... но я непременно вернусь, когда зачерпну немного удачи. – Он развязно подмигнул, обняв меня за талию и прижав к себе.

«Сначала пальцы в тиски, потом убую», – подумала я.

– Слушай, тут такое дело... – увлечённо зашептал Сэм, увлекая меня за столик в тёмном углу и показывая два пальца хозяину за стойкой. – Ты как раз вовремя, сможешь мне выиграть... – Он сделал паузу. Хозяин поставил на стол две кружки с янтарным напитком, окидывая меня внимательным взглядом и встречая такой же пристальный мой. – Нужно только обговорить условные знаки, – продолжал альб, дождавшись, когда трактирщик уйдёт.

– Неужто золота Шазад не хватило? Или жадность разыгралась? – Я провела пальцем по ободку кружки, незаметно оглядываясь вокруг.

– Да какая там жадность! – Сэм шутливо пихнул меня локтем. – Этот тип может вывезти меня отсюда, но дерёт столько, что легче правую руку отдать... – Он кивнул на стойку бара, откуда нас и впрямь разглядывал какой-то человек. – А я, хоть и удалой молодец, но не пират какой-нибудь, чтобы весь остаток жизни ковырять жаркое железным крюком.

– Почему крюком? – поморщилась я, уже утомлённая его болтовнёй.

Он с воодушевлением, привычным для меня ещё с наших встреч в султанском гареме, раскрыл рот, чтобы объяснить, какие у них в Альби бывают безрукие пираты, но передумал и с унылым вздохом отхлебнул из кружки.

– Короче, если я хочу выбраться из вашей мираджийской западни целым и невредимым, то должен дать этому кровопийце что-нибудь ещё.

Я вновь оглянулась на человека у стойки.

«Если он знает, как обойти огненную завесу, то я – альбийская королева».

– Ты лучше другое скажи, – вздохнула я, чуть повернув свой стул, чтобы не выпускать незнакомца из виду. – Ну выберешься отсюда, и что? Домой тебе нельзя. Не знаю, как там у вас поступают с дезертирами, а нашим без разговоров снимают голову с плеч.

– У нас голову с шеей оставляют в целости, просто за неё вешают, – беспечно доложил он. – На ветку дуба... или вяза в крайнем случае. Лично я считаю, что лишать мир моей особы было бы преступлением, поэтому в Альби возвращаться не стану. Говорят, на Ионийском полуострове женщины самые красивые, неплохая еда, а солнце светит в меру, не то что здесь.

– Всего разок подстрелили, и уже сдрейфил, – презрительно хмыкнула я.

За годы войны мало кто из наших сохранил свою шкуру в целости. Мне пришлось вытаскивать пулю у Жиня из плеча, когда мы ещё даже не были знакомы, у самой страшный шрам на животе до сих пор давал о себе знать. А тут... подумаешь, маленькое кровопускание!

Однако пристыдить Сэма оказалось не так-то просто.

– И что с того? – Он пожал плечами с таким видом, словно объяснял очевидную вещь. – Тот, кто не боится, врёт или тупица! – Он отхлебнул пива и отсалютовал мне кружкой. – А мне нет нужды упражняться во вранье.

Я тоже выпила глаток пива, вспоминая слова Тамида о том, что будет, если огонь Фереште вырвется из машины.

– Мы все умрём рано или поздно... На что ты надеешься, Сэм? Собираешься перебежать из страны в страну, пока не наткнёшься на нож, пройдя сквозь очередную стену, или глотнёшь яду, соблазнив очередную женщину? Может, пришло время найти своё место... остаться с нами?

По его лицу скользнула кривая усмешка:

– Похожие слова я слышал и в армии, когда крестьянских парней призывали держать позиции перед вражескими пушками, чтобы сынки богачей могли вернуться домой со славой.

– На славу мне плевать! Я хочу, чтобы домой вернулись все... в том числе те, кто тебе небезразличен.

Он откинулся на спинку стула и прислонился затылком к стене, словно задумавшись. Уголкем глаза я вновь уловила пристальный взгляд человека у стойки, и тот воровато отвёл глаза. Что-то меня в нём беспокоило.

– Сэм, – проговорила я, стараясь не выдать волнения, – этот твой жадный приятель не говорил, случайно, как он надеется выбраться из гавани? За последний месяц это никому не удавалось.

– М-м... – Альб задумчиво почесал бровь. – Нет, не припоминаю.

«Так. Значит, не говорил».

Я снова покосилась на стойку. Подозрительный тип нервно переминался с ноги на ногу.

– А насчёт денег? Сумма оговаривалась заранее? Или ты принёс всё, что мог, но не хватило?

– Ну, вообще-то... – Сэм тяжело задумался, преодолевая хмель. – Что удивительного, если на услугу такой спрос... только дурак не поднимет цену. – Однако в его голосе появились нотки сомнения.

– А не кажется тебе странным, – продолжала я ровным тоном, будто невзначай положив руку на револьвер, – что как раз теперь, когда султану позарез нужны сведения о дочери, тебе назначают встречу в деревянном доме, каких в Измане почти нет... ведь сквозь каменную стену ты мог бы удрать. Ты приносишь деньги, но их оказывается мало, так что приходится торчать здесь в надежде выиграть. Ну?

До Сэма наконец стало доходить. Скривившись, он выругался по-альбийски.

– Это ловушка!

Глава 8

Я вскочила с револьвером в руке. А зря, тревогу поднимать не стоило. Верзила, который ко мне приставал, пронзительно свистнул, и ещё трое вскочили из-за стола, выхватывая спрятанное оружие.

Стреляя на ходу, я кинулась к стойке бара, Сэм не отставал. Первая пуля ушла в стену, вторая угодила шпику в грудь, ещё одна разнесла вдребезги бутылку. Люди у стойки пригнулись, закрывая лица, мы с альбом перемахнули её и укрылись среди луж спиртного и осколков стекла. Хозяин скорчился рядом, обхватив голову руками и проклиная, должно быть, опасное соседство.

Мысли лихорадочно мелькали у меня в голове. Ловушку устроили не просто в деревянном доме, а ещё и на причале над водой, вдаль от песков – значит, ждали не только Сэма, а и меня... а может, и близнецов, потому что взлететь отсюда тоже непросто. Враги успели многое узнать о нашей компании.

Тем временем выстрелы разносили деревянные полки, обрушивая нам на головы фонтаны вина и битого стекла. Нет, песок здесь всё же ощущался, но не сыпучий и покорный жарким ветрам пустыни, а вязкий и тяжёлый – глубоко под дощатым полом, причалом и толщей воды. Тем не менее песок.

Пальнув в ответ пару раз над стойкой, я подхватила уцелевшую полупустую бутылку и обернулась к Сэму:

– Ты ведь плавать умеешь, да?

– Что? – Он вытаращил глаза. – Куда плавать?

Похоже, умел.

– Давай сюда куфию! – Я протянула в его сторону руку.

– Вот ещё! У тебя своя есть.

– Мою жалко. – Я вытащила пробку и глотнула разок из бутылки для бодрости. – Она мне дорога как память.

– А может, моя мне тоже дорога, – пробурчал он. – Мне её подарила жена одного...

– Врёшь! – Небрежный узел легко поддался, и куфия легко скользнула с его шеи мне в руку. – Сам виноват, – хмыкнула я, заталкивая конец ткани в горлышко бутылки, – пора бы уже научиться завязывать.

– Ладно, вру... – Альб сжался от нового револьверного залпа над головой. Ниже не стреляли: похоже, намеревались взять живыми, хотя бы относительно. – Мне куда дороже собственная шкура, которую может обжечь солнце... если её вообще сохранишь тут с тобой.

– Эй, ты! – окликнула я хозяина, сунув бутылку в руки альбу. – Дай спички, у тебя точно есть.

Трясущимися руками хозяин достал из-под стойки коробок и протянул. Я чиркнула спичкой и подожгла свисавший из горлышка конец куфии.

Сэм изумлённо поднял брови:

– Похоже, я не ошибся: пропали обе наши шкуры.

– Если хочешь ошибиться, швырнёшь, чтобы разбилась. Давай!

Мы вскочили разом. В критические моменты на альба можно было положиться, тот же инстинкт самосохранения и заставил его сбежать от нас. Я потянула к себе песок, ощущая его кончиками пальцев, и едва удержалась на ногах от вспышки боли в боку.

Бутылка полетела на пол, взметая осколки стекла, языки пламени и, самое главное, клубы дыма. Я вскинула руки, и песок послушно всколыхнулся, поднимаясь из глубины. Хлипкие доски причала взорвались щепками, в полу разверзлась широкая дыра, где плескалось взбаламученное море.

Ухватив Сэма за шиворот, я перескочила через стойку и потянула его за собой. На вопрос, умеет ли плавать, он так и не ответил. Что ж, вот сейчас и выяснится – хоть одному из нас придётся суметь.

Волны сомкнулись над головой так быстро, что я едва успела набрать воздуха. Словно шагнула в пропасть с высокого утёса. В груди всколыхнулась паника, но сильные руки тут же обхватили меня и удержали от погружения в бездну. Я вцепилась что было сил в плечи альба, и через несколько мучительных мгновений мы вместе вынырнули в густом мраке под уцелевшими досками причала.

– Самое главное, – шепнул Сэм мне на ухо, пока я откашливала солёную воду, – не пытайся вдыхать воду. Это вредно для здоровья.

Я вновь повисла на его плечах, и он поплыл, сильно отталкиваясь ногами, в сторону от пролома, из которого слышалась злобная ругань охотников, упустивших дичь. Наконец, отфыркиваясь от солёной воды, мы вынырнули в тесной щели между бортами судов у причала. Уже стемнело, и крики преследователей ещё слышались, но далеко в стороне. Похоже, оторваться от погони удалось.

Мы зависли в воде, дрожа от холода и прислушиваясь. В боку ещё дёргала боль, голова кружилась: я слишком перенапряглась, вызывая песок. Ещё немного, и не удержала бы его – тогда бы всё закончилось плохо.

– Ну что ж, – тихонько заговорил альб, – выбирать мне теперь особо не приходится. Если очень хочешь, могу употребить свои выдающиеся способности, чтобы героически вызволить тебя из города.

«Пальцы в тиски и раздробить колени. Только потом убить».

– С чего ты взял, что меня нужно вызволять? – хмыкнула я. – Как насчёт помочь кое-куда пробраться?

Глава 9

– Как бы то ни было, но я по-прежнему думаю, что её надо было убить, – буркнула Хала из-под низко надвинутого капюшона. Толпа теснила со всех сторон, мучительно медленно продвигаясь к высоким дверям Главного молельного дома.

– Знаю, – шепнула я в ответ, в сотый раз оглядываясь через плечо на стену дворца, где так и висели тела казнённых девушек. Пока только три, ещё осталось время, хоть и немного, чтобы спасти сегодняшнюю.

Дворец возвышался над заполненной площадью, а впереди в предрассветном небе уже поблёскивал громадный золочёный купол. По городу разносился звон колокола, призывая к молитве, и сегодня мы шли вместе с народом.

С началом осады города люди стали молиться чаще, собираясь сотнями в страхе перед зловещей огненной завесой, вражеским войском у ворот, а теперь опасаясь и за своих дочерей. Сегодня ночью схватили четвёртую – должно быть, именно в тот момент, когда мы с Сэмом явились в Скрытый дом, промокшие до нитки после вынужденного морского заплыва.

– Всё с вами ясно, – насмешливо вздёрнул брови Жинь.

– Угу, – буркнула я, подбирая себе сухую одежду, в то время как Сэм стоял в луже воды с идиотской улыбкой.

Девушку звали Фариха, и оставалось только молиться, чтобы мы успели её спасти. Впрочем, слушает ли ещё кто-нибудь наши молитвы?

– А ещё я думаю, – добавила Хала, двигаясь вместе со мной к яйцеобразному куполу молельни в самой гуще толпы, – что план дурацкий.

– Знаю, – повторила я, теперь уже отвечая непонятно на что.

– Хотя бы мозги ей вскипятить, – сердито пробормотала золотокожая. – Она опасна!

– Третий раз повторяешь одно и то же.

Я устало вздохнула, унимая собственное раздражение. Трудно было осуждать Халу: поспать удалось только под утро, а теперь, возможно, мы шагаем навстречу смерти – и всё потому, что я не захотела отдавать принцессу отцу, пусть даже мёртвую или безумную. «Будь мы на месте Лейлы, султан бы нас не пожалел», – не уставала напоминать Хала, но как раз поэтому я и не хотела. Мы лучше него, и не должны ему уподобляться, иначе восстанию не победить.

Тем не менее все согласились, что покинуть город, ничего не предприняв, тоже нельзя. Даже если в результате выбраться не удастся.

Толпа увлекала нас, и впереди уже различалась золочёная резьба дверных панелей: вот Первый герой сносит головы монстрам, вот Отец греха притаился с кинжалом у него за спиной, а вот джинны окружают предателя, клеймя его позором. Я пыталась различить отца, но долгие столетия истёрли лица до неузнаваемости. Изображения потускнели, как и сами джинны давно устранились от жизни смертных.

Двери остались позади, над головой проплыла синяя с золотом арка входного портала, и мы вступили в уютное тепло молельного зала. Снаружи ещё чувствовалась ночная прохлада, но здесь, в нишах стен, отделанных терракотовой плиткой, дымились жаровни, и в воздухе стоял густой аромат благовоний.

Ночью, пока мы готовились, разглядеть мешала темнота, но теперь я заметила, что ярко окрашенная плитка на каждой стене имеет свой цвет, хоть и с повторяющимся спиральным орнаментом. Синие оттенки на северной стене символизировали воду, а буро-золотистые на западной – землю, две стихии, которые использовали джинны, создавая человеческое тело. Южная стена, серебристо-белая, символизировала ветер, который придавал глине нужную форму, а восточная переливалась золотисто-алыми сполохами огня, пробудившего людей к

жизни. Четыре стихии будто стекали со стен водопадами красок, сливаясь воедино на широких мраморных плитах пола. Расписанный золотом купол высоко над головой довершал великолепие.

При свете стала видна металлическая проволока, что поднималась спиралью вдоль стен к верхней точке купола, откуда свисала бронзовая маска с широко раскрытым ртом. Тот самый громанский *зунгвокс*, приспособленный Лейлой, чтобы разносить по городу молитвы, отвлекая народ от поклонения огненной завесе. Припасы в осаждённом городе подходили к концу, и новый зловещий культ обретал всё больше сторонников, особенно на окраинах.

Люди вокруг останавливались, выбирая место для молитвы, но мы с Халой продолжали двигаться вперёд к помосту, где располагался святой отец с каминой и огромной священной книгой с золотыми страницами. Юношу, стоявшего подле него, выделяли из толпы богато вышитая курта и узнаваемый подбородок. Кто-нибудь из сыновей султана каждое утро с начала вражеской осады молился вместе со всеми, чтобы напомнить о единстве власти с народом и успокоить волнения.

Мы собирались устроить переполох, надеясь освободить четвертую девушку и тех, кому грозила смерть после неё. Если придётся, спасти ценой собственной жизни. Хала заставила меня поклясться в этом, а демджи своих клятв не нарушают. Выйдем живыми и с победой или останемся здесь мёртвыми – третьего не дано.

Татуированные руки святого отца взметнулись над головой, и народ, теснясь и толкаясь, начал опускаться на колени.

Мы остались стоять перед помостом.

– Ты готова? – шепнула я Хале, берясь за рукоять ножа.

Рука моя тряслась, хотя прежде я никогда не нервничала перед боем. Сегодня предстоял не бой, а спектакль.

– Только не говори, что струсил в самый последний момент! – едко прошипела золотокожая. Казалось, было слышно, как она закатывает глаза, хоть лицо и скрывал капюшон. – Если мне что в тебе и нравилось всегда, так это смелость.

«Похоже, готова», – усмехнулась я про себя, обретая уверенность.

Мы стояли словно на сцене с поднятым занавесом перед морем коленапреклонённых с опущенными головами. И вот действие началось. Хала откинула капюшон и запрокинула лицо, а я выхватила нож и приставила ей к горлу, одновременно испуская пронзительный разбойничий свист.

Головы молящихся вскинулись, а служители молельни, рассредоточенные по залу, дёрнулись в нашу сторону, готовые вмешаться. Святой отец раздражённо нахмурился, но гнев тут же сменился растерянностью.

Глядя на нас, никто не видел двух демджи. Перед помостом стояла принцесса Лейла, а ножом ей угрожал Синеглазый Бандит. На самом деле любимая дочь султана никогда не показывалась на публике, и в толпе не знали точно, как она выглядит, а о знаменитом Бандите ходило множество разных легенд, где он был то мужчиной, то женщиной. Однако Хала умело заплела мозги всем прихожанам, так что сомнений ни у кого не возникло.

– Ваше Высочество! – звонко произнесла я, перекрывая тревожный вихрь шепотков, и нарядный юноша подле святого отца устремил на меня испуганный взгляд.

Я не знала, как его зовут, да и какая разница. Сыновей у султана были сотни. Лицом этот, видимо, пошёл больше в мать, хотя глаза заставляли вспомнить Ахмеда и Рахима. По словам Лейлы, самых младших принцев султан отправил в безопасное место, чтобы потом, когда всё утрясётся, выбрать и воспитать нового наследника – не тупого, как Кадир, не мятежного, как Ахмед или Рахим. В столице остались те, кому престол никак не светил, чего они, по всей вероятности, не подозревали.

– Полагаю, султан хочет получить её назад, – продолжала я, крепче нажимая на нож. Юный принц жалостливо поморщился, думая, что это его сестра пищит под острым лезвием. – Если очень хочет, пускай отдаст мне девушку по имени Фариха аль-Ильхам, которую заточил у себя во дворце, и отдаст живую! Успеешь передать это отцу до восхода солнца? – Я поморщилась на обалделое лицо принца, который явно не унаследовал ум своего отца. – Бегом, понял!

Юнец рванул с места, словно заяц при виде коршуна, спеша привести султана и похищенную девушку.

Я обвела взглядом толпу, продолжая удерживать Халу:

– А вы убирайтесь отсюда поскорее, если не хотите оказаться причастными! – Мой голос отдался внушительным эхом от стен и купола, будто молитва святого отца. Стоявшие на коленях растерянно слушали, не сводя с меня изумлённых глаз. – Живо, ну! – рявкнула я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.